

СЕРАЯ МЫШЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

16+

Ульяна Гринь

Ульяна Гринь

Серая мышь в большом городе

«Автор»

2018

Гринь У.

Серая мышь в большом городе / У. Гринь — «Автор», 2018

Я приехала в Питер из глухого сибирского посёлка, отрезанного от мира тайгой, к единственной родне. Теперь надо выучиться профессии и работать, чтобы отблагодарить их за кров и пищу. Вместо этого... Совесть не позволила пройти мимо уснувшего на улице пьяного мужчины. А он протрезвел и не отпустил меня. Зачем богатому бизнесмену серая мышь-провинциалка?

© Гринь У., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Мышь серая, блузка белая	5
Глава 2. Узы семейные	10
Глава 3. Мир не без добрых людей	16
Глава 4. Приличные неприличности	21
Глава 5. Предложение на вес золота	27
Глава 6. Скромная, скромная свадьба	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ульяна Гринь

Серая мышь в большом городе

Глава 1. Мышь серая, блузка белая

22 августа

«Васютка! Ай, Васютка! Иди ешь, чадо, готово уж!»

Мамка зовёт, надо идти. Ох, приспала что-то... Толкают. Не мамка, она не толкала, будила ласково – гладила по плечу.

– Девушка! Девушка, через полчаса Санкт-Петербург!

Я подхватила, будто над ухом выстрелили. Санкт-Петербург! Господь всемогущий, неужто доехала-добралась? Хотела было перекреститься, но остереглась: полный вагон людей, все шевелятся, собираются, шумят. Солнце светит вовсю. Глянула на часики – тятино наследство. Уже одиннадцать часов. Дома как раз пироги бы уж успели в печи... Переодеться бы. Да где там, в плацкарте, укрыться? Накинула кофту на майку, принялась пыхтеть, вставляя руки в рукава белой блузочки – единственной выходной одежды. Блузочку ту мамка сшила сама. Так уж я её просила, так просила, когда в журнале увидела на почте... Мамкино наследство, как её не надеть в такой важный день!

Пожитков было немного – старенький чемоданчик да сумка, которую я купила давно уже на деньги от сданных кроличьих шкур. Вещи взяла все, да они и полчемодана не заняли. Книжки там, тятина Библия старинная да пара тетрадок с рассказами. А в сумке ещё два пирожка осталось, Матрёна пекла ночью, когда я собиралась. Каждый пирожок у неё, как открытие – не узнаешь, с капустой ли, с грибочками или с картошкой...

Всем миром меня собирали. Были бабы: куда едешь, несмышлёная? А я думала: еду в новую жизнь. Далеко отсюда. Страшно, а что поделать? Одна никак не выдержу, даже если соседи помогать станут. Да ведь не будут со мной нянчиться, своё хозяйство у них. А мне ни корову прокормить самой – раньше-то втроем или вдвоем косили сено, а как я одна? – ни за кроликами да овцами успеть. Да и жить одной на отшибе страшно. А ну волки? Или медведь придёт? Соседей не дозовёшься, а тятина винтовка заедать стала, как тятя помер. К его рукам была приучена, хозяйина знала. Стреляла я из неё, конечно, мясо добывала. Вот как раз последние дни двух тетеревов подстрелила, да пошли они Матрёне. Взяла, чтобы за домом смотреть. Ну и за пироги, конечно...

Вдруг вспомнила, дёрнулась, нервно ошупала лифчик. Спасибо, Господи, отвёл беду, деньги не украли. Тётка Нила всё говорила: зашей в лифчик, зашей, от греха подальше. А я так положила, упрятала под грудь, мало ли – понадобится в дороге. А потом пожалела. Шуршат же, поганые, всё высунуться норовят. А меня пугали: вытащат, украдут, останешься ни с чем... Не украли, и то хлеб. На поезд хватило, осталось ещё на такси да на жизнь в первое время. Корову Аксентьевым продала, они с радостью взяли: своя-то у них совсем состарилась. Овечек да кроликов Матрёне отдала, пусть что хочет, то и делает. Матрёна мне денег сунула, как и все, да я не взяла. Добрая она, тятю обмывала, мамку... Кутью варила, похороны организовала. Да ей пригодится больше, чем мне, – трое ребятишек у неё, а я одна, перебьюсь. А у других брала деньги. Кланялась, спасибо говорила, век, мол, не забуду... Только ихние деньги на билет потратила, чтобы сразу ушли, чтобы не горячили тело. Злые люди, и деньги у них злые.

– Санкт-Петербург! Прибываем!

Ох ты ж! Уже? Так скоро?

Я прилипла к окну. Дома – ой-ой-ой, а мосты – ой-ой! Прямо под мостом проезжаем, мамка моя, держи меня! Глядела я на другие города, в которых мы останавливались, а всё равно

знала, что Питер всех красивей. И вот. Аж дух захватило. Сосед встал у столика, опершись руками, выглянул через стекло и сказал:

– Вот и приехали. А ты в первый раз, что ли?

– В первый, – тихо откликнулась я, не отрывая глаз от домов и каких-то огромных ангаров.

– Ничо, скоро привыкнешь, – усмехнулся он.

– Дядя, а скажите, где там такси на вокзале? – осмелилась спросить я. Этот вопрос волновал меня с самого Красноярска, а с соседями как-то подружиться не удалось. Болтали, конечно, но по мелочам. Все с телефонами сидели. А у меня и телефона-то не было...

Дядька глянул на меня странно, искоса, потом махнул рукой:

– Покажу. Держись меня, не отстань.

Я засуетилась, вытянула чемодан, сумку, а сосед хохотнул:

– Да подожди ты! Ещё вокзала не видно.

Я всё же спустилась с верхнего места, стащила вещи, чтобы держаться мужика. Показался он мне таким хорошим, что аж и хотела просить до места меня довезти. Но вмешалась его жена:

– Что застыл, как раззява? Давай к выходу пробираться, а то последними опять выйдем!

Говорила я, надо было в купейном места брать, нет – дорого, дорого!

И мне с размаху:

– Чё лыбишься? Стоит тут, как статуя! Найдёшь такси на вокзале, прям все понаприезжали, читать не умеют!

Мне стало неловко сразу. Ну чего лезу? Правда, найду ж, по вывескам, небось, увижу... Все в посёлке говорили: бери такси, деньги есть, не трать зря, храни. А такси обязательно, не шастай по городу, город большой, украдут ещё деньги, а там и тебя на органы пустят, вон Михалыч говорил, у них в Красноярске людей крадут... Михалыч врать не станет, он человек уважаемый.

Как поезд остановился, все сразу поползли на выход. И я со всеми. А потом пожалела: надо было подождать, как схлынут люди. Затолкали меня, запихали сумками, а я только и смотрела, чтобы чемодан из руки не выпустить. А вышла на перрон – растерялась. Куда идти-то? С одной стороны поезд, с другой – поезд, люди кто вправо, кто влево... И всё одинаковое везде, куда ни глянешь. В тайге-то знаш, куда идти: влево к пасеке, вправо к вырубке, а тут...

Но двинулась. Чего стоять на месте? Пошла за людьми наугад, как тёлка по мамкиному следу тянется. Уж точно куда-нибудь попаду. Очень хотелось рассмотреть в деталях поезд – за два дня не успела, на стоянках не выходила, да теперь побоялась головой вертеть. Так и дед Аксентьев говорил: не верти, мол, головой по сторонам, не заметишь, как без сумок останешься. Без нужды у людей не спрашивай, а в такси сразу адрес дай да тарифу спроси. Дед Аксентьев врать не станет, он по Енисею и вверх, и вниз ходил, в городах бывал, в Красноярске работал даже. Мудрый человек...

Поток людей вынес меня в двери вокзала. Сами раздвинулись, сами задвинулись – чудо просто! Как только узнали, что мы идём? Может, там специальный человек сидит в сторонке и управляет дверями? Но, заглянув за двери с обеих сторон, никого не увидела, решила: может, через камеры как-то видят.

Про камеры Михалыч рассказывал. А у нас в посёлке даже телевизора не было. Телевизор я видела один раз, когда маленькой была, тятя меня взял с собой продавать рыбу. Не любил он в соседние деревни ходить, а нужда заставляла. На корову копили деньги, вот и ездил он продавать. А так всё дома да дома...

Господи боже милый, площадь прямо как Медвежья поляна – огромная, плоская, пустая! Где же те такси найти-то? Я аж растерялась. Люди всё спешили куда-то, ни спросить, ни остановиться. Ох, зря я решила ехать в Питер, зря... Говорили мне бабы! Говорили: пропадёшь одна, сгинешь, как и не было тебя.

Чемоданчик поставила у ног, а сумку прижала к груди. Что же делать? Направо али налево? Тятя, помоги!

Чья-то рука подхватила мой багаж, а вторая за локоть меня – хватать! Я заверещала от испуга – тут меня и выпустили, и чемоданчик тоже бросили. Обернулась – мужчина. Стоит ошарашенный, глазами лупат, а потом как набросится на меня:

– Сдурела, что ли, так орать? Чай не в лесу!

– А чё за руки хваташ! – всхлипнула я. – Мож, украсть хош?

– Господи, да чё там красть-то! – захохотал мужчина. – Землячка, что ли? Зауральская?

– Так это. Красноярский край, Енисейский район, – с достоинством ответила я, разглядывая его. Обычный мужичок лет сорока, каких в посёлке мало, все в города подались. А нос картошкой, а глаза честные, да с морщинками в углах. Видать, смешливый дядька. Что ж ему не смеяться! В Питере живёт, небось, тут весело!

– Давай, землячка, уж прости меня. Я ж в такси работаю, а тут вижу – стоит девушка, не знает, куда податься. Сразу видно, не местная.

Он указал на мой чемодан:

– Ну что, подвезти, что ли?

– А сам-то откуда? – я ещё раз оглядела его подозрительно, а мужичок в улыбке расплылся:

– Так ачинские мы, недалёко от тебя! На заработках тут уж седьмой год.

– Ну пошли тогда.

Он подхватил мой багаж, кивнул:

– Вон моя такси стоит. Не бойсь, землячка, довезу с ветерком, кружить не буду!

– Как это – кружить?

– Да, наш брат, бывает, заметит, что не местные, и пойдёт кружить по городу, – уже шагая к машине, объяснял дядька. – Ты и не увидишь, что пять кругов намотали по кольцевым, а счётчик тебе раз – две тыщи!

– А разве можно так?

– Конечно, нельзя, – покачал головой мой таксист, открывая багажник. Я вскинулась:

– Нет, не надо, я с собой возьму в машину, всё спокойнее.

– Как хош, землячка, – усмехнулся он. – Садись со всем имуществом. Адрес-то есть?

– Вот, есть, – я протянула ему старый пожелтевший конверт из сумки, где крупным почерком был написан обратный адрес.

– Ну, тут недалёко. Давай, устраивайся.

Уже на заднем сиденье машины, на мягкой кожаной банкетке, я вспомнила:

– Дяденька, а тарифа? Какая тарифа-то?

Водитель захлопнул дверцу и обернулся ко мне, строго сказал:

– Ты, землячка, привыкай. Ты теперь в культурном городе. Тариф – слово иностранное, не тарифа, а тариф. Запомнила?

Я кивнула, чуть пристыженная.

– Тариф у нас девять рублей километр. Рубликов на двести наездим, но ты не бойсь, с тебя выше не возьму.

Двести... Ой, как много! Ну да ладно, есть у меня, да и говорил дед Аксентьев, чтоб не сэкономила на такси, довезёт до места, а там уж тётка поможет.

– Пристегнись, землячка, поехали.

Куда это мне пристёгиваться? Что делать-то? А, наверное, ремнём вот этим... Это и у Михалыча в копейке его ремни есть, а никогда не пристёгивали их... Но раз надо, значит, надо. Я натянула ремень, принялась тыкать под красный приёмник, чуть получилось. А водитель уже тронул машину. Хоть и аккуратно, а всё равно мне стало страшно. Меня возили на машине раза три в жизни. А то всё на телеге. С лошастью как-то привычнее, она живая, ею можно управлять.

А как управлять железом, вот этой огромной дурой – я вообще представить не могла себе. Всё-таки дядька молодец. Вон как лихо прошёл между двумя машинами! Я зажмурилась со страху, думала – вот сейчас зацепим, а он только ругнулся по-нашенски пару раз. А потом обернулся и подмигнул:

– Ну, не ссы, землячка! Довезу в целости!

Я всё равно молилась. Как тятя с мамкой научили, все молитвы перебрала в голове. Не сердчает на меня Бог, ежели до самой северной столицы позволил доехать. Даст мне маленько терпения, а там, глядишь, всё образуется...

Даже на город не поглядела... Всё жмурилась.

А потом мы приехали.

Дом большой, высотный. Ну, для меня они все высотные-высокие, те, которые больше одного этажа. А напротив – река. Нева, что ль? Как же, наверное, чудесно каждый день просыпаться и вместо тайги видеть в окне реку, катера вроде того, что сейчас шёл по воде, и знать, что живёшь в самом центре мира...

– Приехали, землячка.

Дядька-таксист остановил машину у подъезда. Я полезла в лифчик за деньгами, а мужичок смутился, буркнул:

– Кошелёк купи, что ли, а то так расплачиваться будешь – точно украдут! Тебя, не деньги.

– Самое надёжное место, – пропыхтела я, доставая разноцветные бумажки. Отсчитала четыре по пятьдесят рублей и подала ему. А он мне дал карточку:

– Смотри, вот мой номер. Если что – звони, подвезу куда надо.

– Спасибо, дяденька, – сердечно сказала я. – Обязательно позвоню.

Вышла я из такси со своими сумками, встала перед домом. Высокий какой, аж дух захватывает! Поглядела немного, как крыша облака разрезает на небе, да и пошла к крыльцу. Потянула на себя тяжёлую дверь и оказалась в огромном холле. Чисто та площадь перед вокзалом! Только что крытая. Полы такие узорчатые, каменные, а натёрты до блеска, аж ступить на них страшно – а ну испачкаю! Но ступила всё же. Ходят же люди по ним, рассудила. Не летают, уж точно, крыльев нам не дано. Прошла через весь холл к лестнице, а та тоже красивая, на стенах картины висят в рамках – всё пейзажи деревенские да городские. А рамки золотые, сверкают – глазам больно. Поднялась в один пролёт – а там скамеечка стоит, цветы в кадках. Как же здесь должно быть хорошо жить! Повезло тётке. Можно выйти из квартиры, посидеть на лавочке, посмотреть на цветочки...

Квартира оказалась на третьем этаже. Увидела циферку, ту же, что и на конверте, и встала как вкопанная перед дверью. Примет ли? Должна. Ведь родня я ей, не какая-нибудь пришлая. Родная кровь... А всё ж оробела, переминалась с ноги на ногу, пока не решилась постучать в гладкую филенку. Постучала и ждала ответа. А там никого. Снова постучала, а потом уже заметила пупочку рядом с косяком. Звонить надо, эх, деревня...

Глухая трель звонка разнеслась по квартире, и тут я перепугалась. И мёртвого поднимет такой звонок, а ну как отдыхает тётка? Ещё заругается... А тут шаги слышались. Господи Боже, спаси и сохрани, помоги рабе твоей...

Щёлкнул замок, дверь открылась, и полная женщина с кудряшками и в запачканном мукой фартуке спросила удивлённо:

– Здравсьте, вы к кому?

– Здравствуйте, так значит вы моя тётя? – вырвалось у меня. Забыла все заготовленные в дороге речи, только смотрела на женщину во все глаза, искала сходство в лице с мамкой, с бабой, но не находила. Нос курносый, ямочка на подбородке, быстрые карие глаза. А брови нахмурились, морщинки у губ собрались:

– Какая я тебе тётя? У меня сроду племянников не было! Иди отсюда, как ты вообще прошла, интересно?

– Как же... – растерялась я и протянула ей помятый конверт. – Вот же... И адрес... И фамилия тут есть, Рубинштейн...

Женщина взяла конверт, рассмотрела со всех сторон, прочла внимательно адрес отправителя и получателя, потом снова принялась разглядывать меня. Спросила недоверчиво:

– Паспорт есть?

– Есть.

– Давай сюда.

Получив от меня документ, махнула рукой:

– Стой тут, жди.

Я ждала. Поджилки тряслись. Прямо вот слабость в ногах и руках, чуть сумку не выпустила. И опять молилась. "Отче наш, иже еси на небеса, да святися имя твое..."

Дверь распахнулась, и передо мной предстала высокая статная женщина, совсем другая, чем в первый раз. Глаза у неё были серые, с отливом в зелень, строгие и глубоко спрятанные в морщинках вокруг глаз. Увидев её, я сразу поняла: она моя тётя. Глаза мамкины.

Женщина поправила чёлку, будто от той зависело будущее, и глубоким, хорошо поставленным голосом произнесла:

– Значит, ты Прошкина дочь?

– Я, – тихо созналась, опуская взгляд.

– Похо-о-жа, – протянула тётка. – Чисто Прасковья в шестнадцать лет. Ну, а чего приехала? Петербург покорять? В театральное? В кино?

Такой вопрос меня озадачил. В мечтах мне представлялось, как тётка обнимает меня, приглашает к себе домой, гладит по голове и говорит всякие добрые слова. А тут вопросы такие. А что ответить?

– Так это... Одна я осталась. Никого на всём свете нет, кроме вас, – с запинкой сказала я. – Я думала, вы меня примете к себе...

Тётка фыркнула, а появившаяся за спиной открывшая мне женщина с кудряшками приснула в край передника. Тётка обернулась на ту, строго смирив взглядом, а потом снова глянула на меня:

– Чего-то одна? Где родители?

– Так нету.

Тётка прищурилась, подумала с минуту и кивнула, раскрывая дверь:

– Ладно, проходи, раз уж приехала.

Глава 2. Узы семейные

22 августа

Меня провели на кухню мимо чуть притворенной двери, за которой слышались высокие голоса. Мельком увидела женщин в красивых платьях, с причёсками, какие только в журналах и показывали. Наверное, соседки в гости пришли. Тётя подтолкнула меня в спину, чтобы не задерживалась, а потом указала на стул в уголке кухни:

– Садись. Катерина, завари-ка нам кофе! Ты, племянница, кофе-то пьёшь?

– Растворимый, когда завезут в магазин, – смущённо кивнула я, расправив складочки на длинной юбке и сложив руки на коленях.

Тётка закатила глаза, издав какой-то странный звук, потом вздохнула и облокотилась на стол, положила полный подбородок на ладони:

– Ну, рассказывай, что ли.

– А чего рассказывать...

– С родителями что? С Прасковьей? С бабкой Анфисой? Кто твой отец? Всё рассказывай, как на духу.

Вслед за тёткой и я вздохнула:

– Так мамка померла весной. Вот сорок дней справили, я и начала готовиться к отъезду.

А тятя... Из Артемьевых он, старший, Ульянов.

– Значит, Ульянов... И где же он?

– Замёрз на охоте прошлой зимой. За маралом погнался, не рассчитал. Вернулся через ночь весь обмороженный, мы уж его и так, и сяк, растирали, настойками поили, молились, а Бог забрал к себе.

– А мать от чего умерла?

– Так сердце, сказали бабы, – вздохнув, я вспомнила мамкины рассказы о снах, в которых к ней приходил ненаглядный Ульянов. – Тятя к ней навещать стал, да ещё с младенчиками...

– Какими ещё... младенчиками? – строго спросила Катерина от плиты, помешивая в странной серебристой узенькой кастрюльке длинной ложкой.

– С братиками моими. Двое до меня скончались, совсем крохами, а ещё трое после меня. Одна я осталась да выросла.

– Мракобесие, – пробормотала тётя, растирая пальцами виски. – Дикие люди, совершенно дикие...

– Не скажите, Аделаида Марковна, – возразила Катерина, дунув на вздыбившуюся пенку. – О таких случаях рассказывают часто. Только не муж это приходит, а чёрт!

– Тыфу на тебя, Катерина! – рассердилась тётя, хлопнула ладонью по столу. – Вот что. Раз приехала, племянница, оставайся. Что-нибудь придумаем. Но запомни! В моём доме никаких богов, чертей, мистических снов и прочей христомудрой глупости! Мы атеисты, в бога не верим, икон не держим.

От испуга я чуть было не перекрестилась, но рука застыла на полпути. Лучше не делать ничего поперёк, тётя ведь и выгнать может, вон какая грозная! Уж потерплю, ничего страшного, а молиться сама потихонечку буду в уголочке...

– Катерина, устрой... как её там? Василису?

– Васса я, – чуть слышно выдавила я, боясь прогневить тётю.

– Вассу, да. Устрой её в дальней комнатке.

– Я ж там глажу! – возмутилась Катерина, поставив перед тётей фарфоровую чашечку с кофе. Потом и мне подсунула под нос вторую, только побольше и не такую красивую. А тётя фыркнула:

– Ну и гладь себе на здоровье. Кровать освободи девушке, вещи прибери, всё равно ей много места не надо.

Отпив аккуратненько глоточек – так тятя пил чай с кусочком хлеба – сказала и мне:

– А ты осмотришься пару дней, а потом решим, чем займёшься. Работу тебе надо найти, только пока не представляю, где...

– Да я, тётя Ада, могу и по дому, и по хозяйству, и шить умею, и вышивать...

– И на машинке, и крестиком! – хихикнула Катерина от раковины.

– Крестиком умею, а вот на машинке никогда ещё, – извиняющимся тоном ответила я ей. – За скотиной ходить, охотиться – меня тятя учил!

– Дикие... – чуть слышно пробормотала тётя, снова массируя виски. – Ну какая скотина в Петербурге, деточка?

И правда, что это я... Ни коров, ни овец здесь, конечно же, нет. Что же мне делать, какую работу найти?

– Всё, я должна идти к гостям.

Тётя допила кофе, тогда как я даже не прикоснулась к своему, и встала:

– Зайду попозже, перед ужином, тогда и поговорим обо всём.

Она проплыла мимо меня, обдав чудесным запахом диковинных цветов. Хорошая всё ж таки у меня тётка! Приняла. Ажно от сердца отлегло, стало тепло и мягонько, словно цыпят в подол насобирали... А вот Катерина, видно, была недовольна. Бурчала что-то себе под нос, прямо как мамка, когда та сердилась. Да ещё грохала сковородками, которые чистила. Потом подошла к столу, взяла чашку тёткину да мне говорит:

– А ты чего кофе не пьёшь? Хотя бы попробовала!

Я поспешно схватила кофе, отхлебнула маленько, чтобы не обижать, да так и застыла с этой горечью во рту. Плюнуть бы – а некуда! Всё ж чистенькое, никуда не убежишь... Пришлось глотать. На свадьбу бы такой варить – горче браги был бы!

– Что, не понравилось? – упёрла Катерина руки в боки. – А ты привыкай. Тут только такой и пьют!

– Сахарку бы, тётя Катерина, – жалобно попросила. А та хмыкнула:

– Тётя Мотя! Ну какая я тебе тётя? Ты бы и Аделаиду Марковну тоже по имени-отчеству называла.

Она поставила передо мной сахарницу, полную рафинада, и с нажимом сказала, опершись ладонями о стол:

– Так лучше будет.

– Хорошо, – я решила соглашаться со всем, что мне велят. Быть покладистой и послушной. Положила два кусочка сахара в чашечку и размешала. Не зря тётка живёт в таком красивом доме, одевается так хорошо, гостей таких важных принимает... Уж точно умнее меня. А и я научусь. Пока что буду помогать по хозяйству. И вот с этой вот тётей-не-тётей Катериной подружусь, может, какая родственница дальняя...

В коридоре послышалось громкое и тягучее:

– Люди-и-и, кто дома?

Стук-перестук по полу, и в кухню ворвалось нечто цветное, пахнущее острыми духами, весёлое:

– Катерина, чего там у маман, гости, что ли? Есть что поесть, и я убегаю, меня Артур ждёт!

Девушка моего возраста, ослепительно красивая, вроде тех, которые показывали одежду в журналах мод, крутанулась на высоченных каблуках и заметила меня:

– Здравсьте! Катерина, твоя родня из деревни приехала?

– Сядь, Лерочка, покушай, зайка! – и Катерина поставила на стол, где раньше сидела тётка, тарелку супа. – Сегодня твой любимый, рисовый с фрикадельками!

Лерочка села и принялась есть, то и дело поглядывая на меня блестящими тёмными глазами. У неё были длинные загнутые ресницы, отчего-то синие, и чёрные, цвета воронова крыла волосы кудрями, заколотые на затылке в сложную и очень красивую причёску. Насытившись, видно, любопытно спросила:

– Так ты кто?

– Васса я, – сказала с запинкой, не сразу поняв, что обратились ко мне.

– Твоя родня, Лера, – с упором на первое слово значительно ответила Катерина. – Аделаиды Марковны племянница. Из Сибири откуда-то.

– Красноярский край... – пробормотала я, уткнувшись в чашку. Лера хмыкнула:

– Вот дела! Не знала, что у нас есть родня в тундре! Ну и как тебе тут, в Питере?

– Красиво, – вежливо ответила, опасаясь смотреть на двоюродную сестру. Господь всемогущий, она такая... городская... ухоженная, прямо кукла из витрины магазина! Как бы мне хотелось хоть немножко походить на неё... Лера, видать, в отца пошла внешностью, потому что не было у неё мамкиных глаз. Ну, не всем в мире уродиться в родню. За тем Господь и создал людей разными.

– Поступать приехала? – спросила Лера между двумя ложками супа.

Я головой помотала. Какое там поступать? Я в школу-то ходила только до четырнадцати годков, потом учительница наша уехала в Красноярск, не выдержала, как бабы говорили – не сдюжила. Хотя и просили её остаться, помогать с хозяйством хотели...

– Ладно, чмоки-чмоки, я побежала! – Лера отодвинула пустую тарелку и вытащила из большой сумки маленькую сумочку, точно кошелёк, а из неё – тюбик помады. Да не простой, а жидкой, будто краски кто налил. Я смотрела во все глаза – никогда не видала такого! Даже у учительницы такой не было. Лера намазала губы толстым слоем, глянула на себя в зеркало кухонной машины с ручкой и встала:

– Скажешь маман, что я поздно приду, ладно, Катерина?

– Иди, иди, золотце, скажу! Осторожнее там только! – напутствовала её женщина. Прямо как мамка меня, когда я одна в тайгу уходила на охоту или за ягодами. Только тут не медведя опасаться надо, видать, машин да трамваев...

Лера процокала каблучками мимо меня, не попрощавшись, только запах духов и остался после неё на кухне. Катерина быстро прибрала со стола, смела крошки в мусорное ведро и встала передо мной:

– Что кофе не пьёшь? Только продукт перевела на тебя! Ладно, пошли устраиваться, раз остаёшься.

Длинный коридор освещали красивые лампы, спрятанные в наклепленных там и сям колоннах. И ведь светло-то как! У нас свет давали раз в день на пару часов – чтобы постирать в машине, радио послушать, у кого оно было. У нас не было. Тятя не любил, говорил: все беды от мира.

– Тут моя комната, там, – Катерина показала на двери дальше по коридору, – спальня Аделаиды Марковны и Константина Алексеевича, Леры, кабинет и ванная. А вот здесь ты пока будешь жить.

Она отворила дверку в углу и вошла в комнату. Окно была завешено тёмной шторкой, которую Катерина отдернула, и комната наполнилась полуденным солнцем. Ох ты, как уютно! Кровать широкая, правда, на ней стопками лежат вещи, а поперёк комнаты стоит доска на ножках, а на ней – маленький пластмассовый утюг. Как же гладить таким? Прижмёшь штанину или юбку, а он и развалится в руке! Вот у них дома утюг был так утюг! И отпарить можно было, и сам своим весом разглаживал...

– Ставь сюда свои чемоданы, девочка. Я приберу с кровати, погоди.

Она принялась складывать вещи с кровати на доску, бормоча:

– Потом надо будет по шкафам, не спутать бы... А тут... Как теперь гладить? Куда доску поставить, ума не приложу...

– Да вы не беспокойтесь, мне много места не надо, – робко сказала я, пытаюсь уместить чемоданчик между спинкой кровати и большим шифоньером. – А доску можно подвинуть вот так.

Подтолкнула тяжёлую шутовину ближе к стене и осмотрелась. Образовался проход, где к шкафу можно было протиснуться худому человеку. Катерина явно бы не смогла, а мне это удалось без труда. Осмотрев комнату, женщина махнула рукой:

– Ладно, посмотрим, как дальше будем. У тебя бельё-то есть? Полотенца там, простыни?

Я покачала головой, краснея. Вещи из родного дома решила не брать: все они были старыми и протёртыми. Взяла только рушник, который мамка вышивала на свою свадьбу, и тот, что я сама вышила для моей. В них завернула библию и книги. Думала, остальное куплю.

– У меня есть деньги, я могу...

– Ой, ладно. Подожди, сейчас принесу. Ты, наверное, хочешь вымыться с дороги?

Карие глазки Катерины пылливо взглянули в мои глаза. Я неуверенно кивнула, хотя мылась два дня назад. Специально баню растопила для такого дела, не в субботу, а посреди недели. Но Катерина явно ждала положительного ответа, вот его я ей и дала.

– Ну тогда бери шампунь, гель-душ и пошли, покажу ванную.

– Нет у меня... – прошептала едва слышно. Откуда шампуням взяться-то, если магазин закрыли лет пять назад? Да и раньше туда только хозяйственное мыло завозили... Мамка, как и все бабы в деревне, варила щёлок и сушила его на солнце кирпичиками. А для косы корень мыльнянки копала да кипятила. С ромашкой мешала ещё, говорила, это для светленьких, как я. Себе шалфей собирала...

Катерина со вздохом закатила глаза, снова махнула рукой:

– Ну прямо сирота казанская! Пошли уж. Выдам тебе и шампунь.

Она привела меня в чистую светлую комнату, так не похожую на нашу баньку, отдёргнула пластиковую занавеску, и я увидела ванну. Ой-ой! Какая красивая, какая гладкая и блестящая! Ни за что в неё не полезу! Ещё испачкаю, что мне скажет тётя?

– Горячая вода, холодная вода, – показала Катерина на краны, потом на полочку над ванной: – Шампунь, гель-душ, полотенца в шкафчике. Вещи для стирки сложишь в корзину. Поняла?

Я смотрела, понимая, что ничего не понимаю, но на всякий случай кивнула. Разберусь. Мамка говорила, что молодым проще приспособиться, у них мозги, как губка – всё впитывают, а вот старым уже труднее, они привыкли. Я ещё молодая, научусь.

– Долго не мойся, воду не трать, не в деревне! – напутствовала меня Катерина перед тем, как выйти, а я только головой покачала. В деревне воду носить надо из колодца, не наносишься, чай.

С кранами я разобралась быстро. Сначала вертела, а они вертеться не хотели. Случайно толкнула вверх, и струя тёплой воды ринулась в ванну, шипя, как призрачный полоз, потревоженный в кустах. Торопясь, я вылезла из одежды, осторожно ступила ногой на гладкую, скользкую поверхность, ощутила жар воды. Господи, как же помыться? Во что воду набрать? Ни тазика, ни ведёрка... Разве что согнуться в три погибели.

Так я и сделала. Ужасно неудобно оказалось, но что поделать. Раз уж приехала в город – надо привыкать. Вытряхнула в ладошку немного белого густого шампуня и принялась натирать мокрые волосы. Сразу почувствовала пену, которой надо было добиваться долго с мыльнянкой, а тут прямо попёрла, как каша из горшочка в той сказке! Мне стало страшно, что сейчас пена заполнит всю ванну, поэтому я быстро сунула голову под кран.

Как открылась дверь, я не услышала. Только возмущённое ворчание:

– Кто тут моется?

Мужской голос! Взвизгнула со страху, пытаясь прикрыться, глаза распахнула, а в них зашипало сразу, будто золой кто-то швырнул! Поскользнулась и, чтоб не упасть, ухватила за шторку, а она не выдержала, упала на меня, сорвавшись. Ну, хоть прикрыла от взгляда старика с седыми волосами и морщинистыми щеками!

На мой вопль примчались тётка с Катериной, первая тут же оттеснила мужчину в коридор, говоря:

– Ничего, Костя, ничего, это моя племянница, не обращай внимания!

А вторая заохала, бросилась закрывать кран, ругая меня во весь голос:

– Да что же такое! Что же ты творишь! Что прыгаешь в ванне? Зачем шторку сорвала?

– Я ис...пугалась! – меня бросило в жар, потом в холод, аж зубы застучали. – Он неожиданно вошёл...

– Не он, а Константин Алексеевич! – всё так же причитая, перебила меня Катерина. – Тебя что, душем пользоваться не научили?! Дверь закрывать на защёлку?

Она бросила мне полотенце из шкафчика, собирая повисшую на двух колечках шторку, качая головой:

– Ну смотри! Ну чисто под корень оборвала! Тут уж и не зашьёшь! Придётся новую покупать...

– Простите, тётя Катерина, – покаянно прошептала я, чувствуя, как наливаются горячей влагой глаза. – Я не нарочно, правда, не нарочно!

– Да что уж... – она махнула рукой. – Одевайся, не стой. Замёрзнешь, заболеешь, возиться с тобой потом...

Она критически осмотрела мою одежду и покачала головой:

– Это всё, что у тебя есть? Смотри, на улицу так не выходи, а то полиция заберёт, подумает, что ты нелегалка или бомжиха. Ох, чую, хлопот с тобой буде-е-ет...

Я чуть со стыда не сгорела. Ой, правы были бабы... Куда я попёрлась? Сидела бы дома, ходила б за коровой да не высывалась! Разве может курица стать лебедью? Не может. Не место мне здесь, ох, не место...

Юркнула в отведённую мне комнатку так быстро, что ветерок в ушах свистнул. Села на кровать, машинально разглаживая складки покрывала, прикусила губу. Вернуться? Нет, возвращаться мне никак нельзя. Никак... Надо привыкать, учиться. Как сказала Катерина? Дверь на защёлку закрывать, душем пользоваться? Эх, про защёлку не подумала! Да как думать-то, ежели у нас ни дом, ни баня не запирались никогда! Во всей деревне никто никогда ничего не запирает! Вон к Матрёне за лопатой иль за вьюрком ходила сколько раз – зайду, возьму, а потом просто на место положу... А душ – ну кто ж знает, что оно такое? Научусь. Надо к Катерине подлизаться, чтоб показала да объяснила.

Вытерла слёзы ладонью, вздохнула, а тут и стук в дверь. Подхватила от страха, сердце аж заколотилось, а вошла Катерина:

– Вот тебе одежда на первое время. Смотри, Лерочкина, но она уже не носит это. Вот штаны, кофты, майки тут... Пижама-то есть у тебя? Покажи-ка свой гардероб!

– А она не заругается?

– Кто? Лерочка? Да нет. Это старые вещи, говорю же – не носит. Ты вроде с неё ростом будешь, только потолще чуток. На тебе и пижаму.

– У меня... сорочка.

– На смену будет. Не спорь.

Женщина сложила стопку одежды на кровать и смотрела несколько минут на меня. Потом покачала головой:

– Ты, девочка, как из другого мира. Ну да ладно, не чужая Аделаиде Марковне, устроит она тебя. Только будь скромной и не перечь. И вот что ещё...

Она замялась на минуту, потом понизила голос:

– На хозяина даже не думай смотреть! Не для тебя он, запомни! За него хозяйка порвёт. Я почувствовала, как жаром заливает щёки, и помотала головой, опустив глаза. Пошто мне хозяин? Не надо он мне...

– Ну, гляди. Я тебя предупредила.

И вышла. Я тронула ладонью мягкую, пушистую кофту сверху стопки, погладила. Я буду скромной, я не буду перечить... Так надо.

Глава 3. Мир не без добрых людей

4 сентября

Утро выдалось чистое и слёзное, как будто Господь умыл весь мир до того, как люди вышли на улицу. Мне стало так хорошо, что чуть не расплакалась, настолько почувствовала себя причастной к этой красоте мира. Словно домой попала да увидела, как подростки оленята следуют за мамкой на водопой на Красный ручей...

Воздух, правда, здесь... Не такой, как дома. Там и дышится свободнее, там запахи другие – сосновые иглы, мох, сырость прелых листьев, коровой пахнет, дымом из печной трубы, туманом... А тут машинами, железом, асфальтом. Даже деревья чахлые, а как иначе? Вон как из выхлопных труб дымит...

Я дошла до остановки и остановилась рядом с деревом. Тополь. Как у нас в тайге. Только немного другой. Я приложила ладонь к шершавой коре, словно пытаюсь ощутить душу дерева. Ничего. Пустота. Но я почувствую её, надо только время...

Время шло, я менялась. Вот уже две недели, как я жила в городе. Первые дни было, конечно, очень трудно, но я очень старалась понравиться всем. Не обошлось и без происшествий. На следующий день после приезда я встала раненько, как дома, решила помочь Катерине по хозяйству. Как все спали, спросить было не у кого, я помыла полы в зале. Отмывались они плохо, точно маслом кто замазал, но я всё же оттерла большую часть залы. А потом Катерина прибежала ко мне в комнатку со страшным взглядом – у неё даже не было голоса, чтобы кричать. Она просто схватила меня за руку и потащила в залу. Я ужаснулась: пол вздыбился местами, пошёл пятнами, как кожа лишайистой овцы... Оказалось, полы тут паркетные, их мыть вообще нельзя, только специальным воском тереть, а я всё испортила – ведь не просто водой мыла, ещё и средство на кухне у Катерины нашла, чтобы верхний слой стереть...

На счастье, тётка ругаться не стала. Смеялась много, ага. Руки в боки упёрла и хохочет, что та умалишённая! Это тоже было страшно. Но не наказала, не злилась, только махнула на Катерину, которая квохтала, будто наседка ястреба приметила, и сказала вызвать мастеров для того паркета. А мне велела строго больше самой ничего не делать. Как это она сказала? Не проявлять инициативы. Потом, за завтраком, думала много и объявила, что найдёт мне работу побыстрее.

И нашла же! Вот как раз вчера сказала: «Езжай, Васса, завтра вот по этому адресу, там полы мыть надо». Как раз по мне работа, как посмотреть. Полы-то я мыть точно умею. Да и копеечка в дом, отблагодарить тётку за гостеприимство. Вот теперь еду. Катерина меня научила на автобусах ездить, на метро, когда я с ней на рынке была. Показала, как платить, показала, куда идти, в общем, прониклась моей судьбой, не оставила одну. Тётке-то недосуг, она в театре роли играет – каждый вечер у неё антреприза! Вроде как звезда, актриса! Даже гордость берёт – она же из тайги, как и я, как мамка... А ить не побоялась сама поехать, безо всяких родичей тут, в Питере. И устроилась, разве же скажешь, что сибирячка? А днём тётка отдыхает да принимает всяких людей. И мешать ей не смей, а то разнервничается, давлением будет маяться... Давление это я усвоила накрепко после того, как поплохело однажды тёте Аде. Скорую вызывали, фельдшеров.

Глянула с испугом, не пропустила ли маршрутку. Нет, не было ещё, вон люди стоят, ждут. Надо поближе подойти к остановке.

Народу было много – человек пять. Девушки и тётки, и один мужчина. Я почему-то сразу на него внимание обратила. Сидел он, развалившись на скамейке с закрытыми глазами. Небритое лицо его было опухшим и больным. Круги под глазами, ссадина на скуле и рассечённая губа, на которой запеклась кровь. Пьяный подрался, небось. Эх, работяга, зачем так пить-то? Мне стало его жалко. Тятя никогда не пил. У нас дома даже бражку не гнали, как в посёлке.

Там-то пили многие, не только мужики, но и бабы тоже. Ухайдокаются на поле или по хозяйству, а вечерком пропустят одну-две. Мужики, те зимой больше. Когда метель, после удачной охоты, а кто и просто так. Но держали голову всё же, драк мало было, если только какая жена отходит своего благоверного метлой, да это и не драка вовсе, так, ученье...

Я выглянула на дорогу. Маршрутка всё не шла и не шла. Говорила мне Катерина, надо на метро ехать, а мне страшно одной... Спускаться туда страшно – а вдруг не выберусь наружу? Нет, лучше подожду на остановке, когда-нибудь же подъедет маршрутка эта. И снова посмотрела на мужчину. А к нему уже подошёл молодой парень, наклонился над ним. Вот хорошо, может, врач, поможет человеку... Но вместо помощи парень принялся шарить по карманам пальто. Может, ищет телефон позвонить жене или родне?

Я сама не поняла, как подошла ближе. И с оторопью смотрела, как парень вынимает телефон из кармана, бумажник, всё сует к себе в куртку и удаляется быстрым шагом. Что же это...

– Да он ворует! – вырвалось у меня. – Люди добрые, да он обворовал спящего!

Парень нервно оглянулся и рванул по улице дальше, не догонишь. Из кармана его что-то выпало. Я огляделась. Люди равнодушно смотрели на убегающего, только один мальчик, совсем маленький, лет десяти, подобрал выпавший предмет и подошёл:

– Тётяшка, вот, уронил кошелёк.

– Спасибо, мальчик, – с чувством ответила я, подсаживаясь к мужчине. Тот спал, дышал тяжело, с присвистом. Эх ты, что же делать теперь? Нельзя так его оставлять. Разденут, до нитки обокрадут! В телефоне, наверное, были номера его семьи, но теперь парня не поймать. Разве что посмотреть в бумажнике?

Я осторожно открыла кошелёк, который пах кожей, заглянула внутрь. Денег много, тысяч пять рублей, карточки по кармашкам рассованы, а вот фотографий нет. Записочек с номерами нет. Что ж делать-то? Как с семьёй связаться?

От мужчины несло жутким перегаром и потом. Видно, не один день бухал. За один день так не набраться! А ведь не старый ещё, если щетину сбрить да умыть. А жена ищет, небось, с ног сбилась... И тут меня осенило. Паспорт! В паспорте же есть адрес прописки! Вот и надо его туда отвезти. Снова глянула на людей, но никому и дела не было. Я почувствовала себя совершенно одинокой в этом огромном городе. Все заняты собой, никто бы и не пошевелился, если бы человек умер на этой скамейке... Или всё же обратили бы внимание?

Показалась жёлтая длинная машина. Я вытянула голову – номер мой. Ох, что делать-то? Опоздаю на собеседование это, не будет работы... Тётя меня приберёт! А мужчину оставить не можно! Жалко же!

И, как всегда, в минуты сомнений, я обратилась к почившему тятю. Он всегда помогал мне советом, прояснял в голове всё, что было смутным. Закрыла глаза, мысленно спросила: «Тятя, что делать?» И тут же услышала голос мальчишки, который принёс бумажник:

– Тётяшка, вы такси вызовите, а то его так просто не увезёшь.

Спасибо, тятя. Устами младенца глаголет истина, так часто ты мне это повторял... Слушайте молодых, они дело бают.

Я отвернулась от ломящейся в маршрутку толпы и принялась шарить по карманам мужчины. Ох, нехорошо это, да на благое дело. Бог простит. А пацан не уходил, подсказывал:

– Вы во внутри гляньте, там карманы должны быть потайные во внутри.

Пришлось лезть рукой внутрь пальто. И правда, целых два кармана, один на пуговку застёгнутый, а в нём твёрдая книжечка. Паспорт. Открыла – Ольховский Вадим Петрович, тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года рождения. Пролистала странички – вот и адрес. Мгинская улица, дом семь, квартира двенадцать. Отлично, теперь надо его в такси. Пять тысяч должно хватить за проезд, огромные ж деньги! Эх, а ведь таксист с вокзала дал мне свой номер

телефона, который лежит дома, в чемоданчике... Я растерянно обернулась к мальчику, который всё топтался рядом:

– Послушай, а как мне найти такси?

– Так вызовите, по телефону, – удивлённо ответил пацан. – И приложения есть всякие, например, Яндекс-такси...

– У меня нет телефона, – огорчилась я. – Ну ничего, как-нибудь, может, на маршрутке? Знать бы только, какая идёт на эту Мгинскую...

– Эх ты, взрослая тётя, а телефона нет, – покачал головой мальчик и вытащил из кармана мобильный. – Сейчас организуем вам такси. Нет, серьёзно? У вас нет телефона?

Я покачала головой, с невольной завистью глядя на него. У такого маленького – уже свой мобильный! И разбирается он в этих всех городских штучках лучше меня. Как же так? Надо и мне учиться. Всё-таки в Питер жить приехала, деревня теперь далеко, надо привыкать.

Пацан быстро тыкал в экран пальцем с обгрызенным ногтем, потом удовлетворённо кивнул:

– Во, сейчас подъедет, прямо к остановке.

– Спасибо тебе, мальчик, – у меня чуть слёзы из глаз не брызнули от избытка чувств. – Скажи своим родителям, что они вырастили хорошего сына!

– Да ладно, – смутился он. – Мамка меня прибьёт за деньги, что с мобильника спишут... Ну ничего, совру что-нибудь.

Я быстро полезла в карман:

– Не надо врать! Врать плохо. Возьми вот.

Протянула ему сто рублей. Мальчик сразу отошёл на шаг:

– Не. Я помочь хотел, а там...

– Возьми, чадо, – тихонько улыбнулась я. – Мой тятя хотел бы иметь такого сына, как ты.

Похоже, эта фраза заставила пацана задуматься. Он наморщил лоб, потом взял деньги и рванул на всё ещё стоявшую маршрутку, крича на ходу:

– Спасибо! Я мороженого куплю!

Такси и правда подъехало быстро. Не успела маршрутка отойти от остановки, как желтая машина тормознула перед переходом и посигналила. Я махнула ей рукой. Эх, надо же теперь поднять это неподвижное тело! Ну ладно, не может быть мужик тяжелее копны сена. А я ведь кидала прошлым летом с луга на телегу. Как тятя говорил, надо найти точку опоры...

Просунув руки под мышки мужчине, я рывком подняла его на ноги. Привалившись ко мне на плечо, он забормотал что-то, начал отмахиваться. Пришлось шлёпнуть его легонько по лбу:

– А ну теперь! Молчите уж!

И поволокла его к такси. Едва дверь открыла, пытаюсь удержаться в равновесии. Нет, всё-таки мужик тяжелее копны сена... Но всё же посадила на сиденье, села рядом. Пожилой чернявый мужчина с быстрым взглядом спросил:

– Куда едем?

– Сейчас, минуточку, – я снова раскрыла паспорт, прочитала адрес и тут же озабочилась: – А сколько тарифа-то?

– Тарифа, – пробурчал водитель. – Сколько будет, столько и заплатишь.

– Мне наказывали спрашивать тарифу, – твёрдо ответила я. – Говори сразу, а то, может, слишком дорого, а у меня денег нет.

Мой мужчина ожил, начал дёргаться, будто чёртиков поймал, и орать:

– Тариф отличный, заказчики найдутся, я вам не благотворительный фонд!

– Молчите вы, ради Бога всемогущего! – с раздражением толкнула его вглубь сидения.

Дядька за рулём уставился на меня в зеркальце, а потом тронул машину:

– Эх, дочка, хуже нет пьющего отца... Ладно, не парься, довезу за сколько есть.

– У него пять тысяч в кошельке, – сказала я честно, но дядька покачал головой:

– Откуда ты такая простодушная взялась-то? А ну как сдеру с тебя пять тыщ, а тут дороги на триста рублей, не больше!

Я опустила голову. Прав он, так и таксист наш ачинский говорил, да я снова забыла. Но как можно жить в таком мире? Всё время врать, оглядываться, думать, как бы кого обмануть и не быть обманутым в свою очередь... Говорил тятя: мир жестокий, злой, не надо в него выходить, лучше сидеть в тайге и радоваться каждому новому дню без цивилизации!

– Ладно, пташка, не вешай нос! Сейчас довезу тебя и батю, ты его головой под холодный душ, чтобы неповадно было в следующий раз так бухать!

– Спасибо, дядя, – улыбнулась я, словно это был свояк из деревни.

Доехали мы действительно быстро. Остановилось такси во дворе, проехав под арку. Счётчик показал чуть больше трёхсот рублей, я с лёгкой душой отсчитала водителю деньги из кошелька Вадима Петровича и, открыв дверь, вытянула неудачливого алкоголика из машины.

– Эй, пташка! Квартира двенадцать в первом подъезде! – окликнул меня таксист и с улыбкой уехал.

А и правда. Вот же, написано даже на табличке у подъезда: с первой по сорок вторую квартиры. То ли я начинаю потихоньку ориентироваться в городской жизни, то ли всё в городе устроено логично... Ладно, надо бы уже этого Вадима Петровича сдать жене или маме, чтобы приводили в чувство, а мне пора на собеседование. Ух и тяжёлый же он! Словно телёнка на плече волоку. Вот достанется ему и поделом. Может, пить перестанет...

Высвободив руку, потянула за ручку двери, и та поддалась, хотя и с трудом. Тёмный подъезд вонял, как навозная куча. Да, это не тёткин дом, не тот размах... Я поудобнее устроила мужчину на своём плече и со вздохом потащила тяжёлое тело вверх по ступенькам, нащупывая каждую ногой. Чуть не запела даже, как на покосе – ой, коси, коса, ой, тряси, роса... Так сподручнее было кидать сено в скирды. Но сдержалась – пёс знает, какие люди тут живут, может, спит кто, разбужу ещё. Голос-то у меня мамкин, зычный, звучный. Уж так дотащу, допыхчу.

Квартира двенадцать оказалась на третьем этаже. Прислонив Вадима Петровича к стене в уголок, я нажала на кнопочку звонка. Резкое дребезжание могло бы всё наше анциферовское кладбище из могил поднять, но никто не отозвался с той стороны двери.

– Что же мне с вами делать, Вадим Петрович? – озадаченно обратилась я к всё ещё бессознательному мужику. Не оставлять же его здесь, под дверью? Тогда уж лучше было на оставке бросить. Нет, так не годится. Стой, Васюта, а про ключи забыла?

Ой-ой, опять по карманам шарить... Но раз надо – значит, надо. Карманы пальто – это самое простое, а вот штаны! И, конечно, ключи были там. Я, кажется, даже покраснела, шупая ноги в опасной близости от самого запретного места, но мужественно довела дело до конца. Ключей оказалась целая связка, маленьких, больших, разных, но в то же время и похожих. Блямбочки всякие ещё болтались на колечке, мешали вытаскивать из кармана... Я перебирала их одной рукой, второй поддерживала Вадима Петровича, который норовил сесть на пол. Уже готова была сдать и запульнуть ключами в пролёт лестницы, но, к счастью, один из них подошёл к замку. Дверь гостеприимно раскрылась, и я ввалилась с бесчувственным телом в прихожую.

– Ау-у! Есть кто-нибудь? – бросила наугад в полумрак квартиры. Но ответом мне была лишь тишина. Такая тишина бывает только в пустых помещениях. Ни кошки, ни собаки, ни какой другой животины. И уж точно людей здесь нет.

– Господи! – крик души вырвался из моего рта. – За что? Чем я перед тобой провинилась?

Но Бог не дал мне знака. Поэтому я потянула мужчину по коридору, ошупью нашла дверь в ванную – и точно, там оказалась ванная! – и почти без сил опустила его грудью на бортик.

Отдышалась. Ну и тяжесть! А говорят, мёртвые тяжёлые... Вон и живые вполне себе неподъёмные, хотя не такой уж он и толстый.

Ладно, что там говорил дядька-таксист? Головой под холодный душ... Сейчас мы ему устроим головомойку.

Душем меня научила пользоваться Катерина. Долго хихикала при этом, но всё же показала, как переключать – просто поднять пупочку на кране. Вот и здесь у меня получилось, хотя кран был совсем другой. Из головки душа прыснули тоненькие струйки, звенящим стуком отдаваясь в ванне. Я чуть-чуть подождала, а потом направила душ на голову мужчины. Реакция меня не удивила – он восторженно, зафыркал, принялся вырывать и заорал вяло:

– Что это? Кто? Что? Прекратите!

Но я держала его крепко, не давая уклониться от струек. Вот вам! Будете знать как пить! Как тятя говорил – смог наделать дел, смогли и ответить за них. Нечего тут возмущаться!

Наконец, Вадим Петрович затих, потом махнул рукой:

– Ладно, всё, уберу душ. Я в порядке.

Я выключила воду:

– Точно в порядке?

– Точно.

Он поднял голову, посмотрел на меня чуть ли не с ненавистью, спросил:

– А... ты кто?

– Васса я.

– Вадим, – протянул руку. Я осторожно пожала её, мокрую, и услышала:

– Я где?

– У себя дома.

– Так... Я тебе денег должен?

– Нет, – помотала головой, устраивая душ на кране. Вадим Петрович попытался подняться и мне пришлось помочь ему. Потом сказал:

– Сделай мне кофе.

Я кивнула, помогая ему встать, а про себя подумала, что мог бы и «пожалуйста» добавить. Да, Питер – культурная столица, но некоторым до культуры – как до Луны на небе.

Глава 4. Приличные неприличности

4 сентября

Кофе. Господи, помоги. Как найти на этой кухне кофе и кофеварку? У тётки совсем другая машина, здесь я не вижу подобной... Зато есть электрический чайник. Может, и растворимый кофе найдётся в шкафу?

Порылась на полочках и точно. Нашла баночку кофе «Реле». Думала, только к нам такой завозят, ан нет, и в Питере продают его. Ну и хорошо, я знаю, сколько надо положить ложечек, чтобы получилось позабористее! И сахар... Ложить или не ложить? А, потом спрошу.

Включив чайник, я оглянулась. Вадим Петрович вползал в кухню, как наш Михалыч после запоя. Едва-едва. По стеночке держась. Ничего, холодная вода да кофе, а ещё бы травок ему... У нас бабы собирали «неупивайку», что поадрёней рассола будет. Липа, мята, солодка, горичвет да можжевельные ягоды. Рецепт-то я знала, так нет травок...

Хозяин квартиры плюхнулся на табуретку, опёрся локтями о стол и вложил лицо в ладони. Оттуда глухо спросил:

- Ты кто?
- Васса я, – терпеливо повторила.
- Мы с тобой пили? Или что?
- Ох, нет, Господь уберёт! Я вас на остановке нашла.
- О-о-о... А какое сегодня число?
- Четвёртое, – удивлённо ответила я. Вадим Петрович напрягся:
- Четвёртое чего?
- Сентября!

Он выдохнул с видимым облегчением. Ну надо же так напиться, чтобы не знать, какое число сегодня!

Чайник забурчал, потом начал тоненько пищать, и я приготовила чашку с бурым порошком. Вадим Петрович подал голос сзади:

- А чего в кофеварке не сварила?
- Я не умею.

Хмыкнул. Ишь ты! Ещё и ехидничает! Надо было его оставить на остановке. Из-за него только на собеседование опоздала, тётка рассердится!

Чайник зашумел, будто хотел оторваться от подставки и взлететь, и я выключила воду. Катерина так наказала, чтобы электричество зазря не расходовать. Закипело – и баста. Залив кофе горячей водой, поставила чашку перед Вадимом Петровичем. Тот шумно вздохнул:

- Бурда.
- Но взял чашку и отпил глоточек. Потом потряс головой и спросил:
- А где мой телефон?
- Украли, – я пожала плечами. – Ладно, мне пора идти, я и так опаздываю!
- Подожди, дай мне свой телефон позвонить.

Серые глаза с красными прожилками в белках глянули озабоченно. Я растерянно улыбнулась:

- Извините, у меня нету.
- Вот бл...
- Я даже вздрогнула:
- Кто?
- Дед Пихто! – рявкнул он.

Тьфу ты! Прости, Господи, нельзя так ругаться! Даже в деревне у нас мужики не ругаются, кроме Савки-дурачка, но ему можно, его устами Бог говорит... Пришлось перекреститься, и Вадим Петрович заметил, скривился:

– Уж прости, вырвалось. Так... Подожди. Тут должен быть телефон, я же за него плачу... Глянь там, в комнате.

Опять приказывает. Вот странный человек, хоть бы спасибо сказал, что ли... Но в комнату я всё равно пошла. Ну его, пусть сидит и отходит. Телефон – чёрная трубка с антенной – нашёлся на круглом столе. Пришлось стереть с трубки пыль, давно не пользовались, наверное. Вадим Петрович обрадовался ему, как родному, схватил и принялся настукивать цифры на кнопках. Я сказала нерешительно:

– Вы знаете, я пойду.

– Стой! – он повысил голос. – Подожди. Лёня? Да, это я... Не ори! Не ори, я сказал!.. Да знаю... Сколько?.. Ну и х... с ним! Так, у меня украли телефон на остановке. Где?

Это уже мне, а я сразу и не сообразила. Пospешно ответила:

– На Чайковской.

– Чайковского, темнота, – бросил Вадим Петрович, и снова в трубку невидимому Лёне: – Слышал? Найди и приезжай... Где-где... Не заставляй отвечать в рифму. На квартире я... Жду.

Отключившись, он сказал мне, не глядя:

– Сейчас приедет Лёня, он тебя отвезёт куда надо.

И снова замолчал. Видать, плохо ему. Пришлось сесть – неприлично отказываться, если тебе предлагают помощь. Так мы и сидели: он пил кофе, а я нервы перебирала, как струны. Опоздала ведь, а тётка говорила – чтоб пришла точно в назначенный час, там любят эту, как её... Пунктуальность! Теперь уж... Ох, рассердится тётя Ада, будет ругать за инициативу! Ну, не могла же я мимо пройти, Господь наказал быть милосердными и помогать друг другу...

– Так ты кто такая?

Неожиданный вопрос поставил меня в тупик. Неужто опять забыл, как меня зовут?

– Васса я, – сказала резковато и тут же пожалела, потому что взгляд серых глаз впился в меня не хуже клеща:

– Я помню. Откуда ты взялась, Васса?

– На собеседование ехала, увидела, как парень у вас вытащил телефон и кошелёк, решила до дому довести, – коротко объяснила я. Что тут непонятного? Или так не принято в больших городах?

– Может, это ты телефон свистнула?

– Свистнула?

– Украла.

Я посмотрела на него исподлобья. Он серьёзно говорит? Нет, ну что за человек! Вот так и помогай людям. Правильно тётка меня предупредила – не проявляй инициативу. Будешь наказана.

Поднявшись, я сходила за своей сумкой, подала её Вадиму Петровичу:

– Посмотрите. Я ваш телефон не брала. Зачем он мне?

А вот теперь, похоже, он не понял меня, потому что вылутился глазюками с непонятым выражением. Что глядишь, лешак тебя заберет? Ну же, проверь сумку, карманы проверь...

– Сядь, – буркнул Вадим Петрович. – Верю.

– Ишь, – пробормотала и я, садясь. – Зачем спрашивали тогда?

– Проверить.

– Доверяй, но проверяй, ага...

Он усмехнулся и откинулся спиной к стене. Потёр рукой лоб и пожаловался:

– Башка болит...

– Сделать ещё кофе? – поколебавшись, спросила я.

– Нет уж, больше этой бурды я не выдержу.

– Травок бы... Так нету.

Он подозрительно глянул на меня:

– Ведьма, что ли?

– Ну, вот пошто сразу ведьма? – я снова рассердилась, нахмурилась.

– Травница, значит.

– Так ить... В деревне у нас все бабы травницы. Пока врача дождёшься... А особенно зимой... Травами уже и вылечишься.

– Из какого далёкого уголка нашей бескрайней родины ты выбралась в цивилизацию? – съязвил Вадим Петрович. Ох, зря я его всё же притащила домой... Зря пожалела! Ехидный лешак!

– Красноярский край, Енисейский район, – с достоинством ответила я ему, подняв нос. – Деревня Анциферово.

– Хм. Далеко, наверное. А чего сюда приехала? А, ты же говорила, на прослушивание. В театральном, что ли? Покорять подмостки? Актрисой стать?

– Да какая из меня актриса? Я на собеседование шла, – чуть ли не с обидой возразила я. – А из-за вас опоздала. Теперь не видать мне работы, как ушей лешака!

– Новую найдёшь.

– Да где я её найду? Всё равно надо ехать...

– На сколько опоздала?

Я взглянула на маленькие часики, которые мне дала Катерина:

– На полчаса.

Вадим Петрович отмахнулся:

– Забудь. Уже взяли кого-то на это место. Ищи новую.

– Легко вам говорить! У вас вон и квартира есть, и работа, наверное, тоже...

Он засмеялся хрипло, будто ворона каркнула, а потом закашлялся:

– Пойду прилягу. А ты сиди, жди Лёню, он тебя отвезёт домой.

– Никого я ждать не буду, – буркнула, но он не услышал, поднялся и снова по стеночке пошёл в комнату.

А я... Ну а что я? Встала и пошла мыть чашку. Самой было странно, но, как ни хотелось сделать поперёк, я всё равно подчинилась его приказу. Буду ждать этого Лёню, не хочу тратить деньги на такси. А вот сидеть не собираюсь. Чего сидеть без дела? Стол вон липкий, словно его не мыли никогда... Пыль опять же везде. Да и вся квартира как будто не жилая. Как будто Вадим Петрович тут бывает только изредка. Но сказал, что платит за телефон. Вроде бы если не платить, его отключат? Значит... Ой, да ничего это не значит. Какое мне дело до этой квартиры, до её хозяина-алкоголика, до его телефона...

Я протирала кухонную тумбу, когда входная дверь негромко хлопнула. Сердце моё на секундочку замерло, а потом забило часто-часто. Обернувшись, я увидела светловолосого парня, одетого в чёрный костюм. Узко поставленные голубые глаза смотрели так, словно он застал меня в своём курятнике за кражей цыплят. В гляделки мы играли недолго – парень прищурился и спросил:

– А ты кто?

– Васса я, – уже с раздражением в голосе повторила я.

– Я имел в виду – какого хрена ты тут делаешь?

– Вы Лёня? Вас жду, – ответила и тут же услышала хриплый голос из комнаты – таким мог бы говорить злой волшебник чёрного леса.

– Лёня, ты?

Парень смерил меня странным взглядом напоследок и пошёл в комнату:

– Я, Вадим Петрович. Вот ваш телефон.

Голос у него был совсем не радостный. Похоже, он даже злился. Я выглянула из кухни и увидела, как хозяин квартиры сел на диванчике, держась за голову:

– Давай сюда. Там девушка, отвези её домой. Ну, ты меня понял, да?

Его пальцы затыкали в экран красивого большого телефона, Вадим Петрович простонал:

– Блин, я звонил Маринке... И Снежане! Вот бл...! И Галке до кучи...

Лёня повернулся ко мне и кивнул на дверь:

– Пошли.

Пожав плечами, я взяла свою сумку и потянулась за ним в коридор. Мы спустились вниз, вышли на улицу, и Лёня нажатием на кнопку заставил поморгать большую светлую машину, блестящую лаком, будто её недавно вымыли. Отчего-то эта бандура вызвала во мне чувство спокойствия и уверенности. На ней невозможно попасть в аварию, я это знала. Поэтому села на переднее сидение, когда Лёня открыл мне дверцу. Причём сделал это привычно, на полном серьёзе, и я подумала – он делает так каждый день. Молодой парень, обращается уважительно к Вадиму Петровичу, но не только из-за возраста – наверное, подчинённый. Вон как! Алкоголик-то – начальник! Прямо чудеса...

– Ну, куда едем, Васса? – спросил Лёня, садясь за руль и заводя мотор.

– Воскресенская набережная, дом двенадцать, – со вздохом ответила я. – Опоздала на собеседование, теперь уж только домой...

– Ничего себе, девушка! – присвистнул Лёня, выруливая со двора на улицу. – Твои родители бизнесмены? Или папа министр?

Я покачала головой, ничего не ответив. Какими вещами измеряется положение человека в городе! Хватит влиятельных родителей, чтобы быть богатым и уважаемым. Вот в деревне всё не так. Саню Зайца уважают за то, что он лучше всех охотится на зайцев, потому и прозвали так. Никто не знает ходить за животинкой лучше деда Аксентьева, даже ветеринар, что приезжал несколько лет назад, учился у него. Матрёна споро готовит пироги и караваи, за день может собрать стол хоть на тридцать человек, хоть на сто. А бабка Анфиса знает, чем вылечить все-все хвори, да и травки у неё самые правильные... Там у нас по человеку судят – что умеет, что знает. А тут... Кто родители, сколько у них комнат да машин.

– Тётя у меня актриса. А дядя профессор, – коротко ответила я, глядя в окошко на пролетающий мимо Питер. Вот и вокзал, куда я приехала две недели назад. Какая я тогда была дурочка, сейчас-то уж обтесалась маленько. Ездить в транспорте да в машинах мне нравится, скорость полюбила! И в туалете ёршиком за собой еложу по горшку – чтобы чистенько было. И душ употребляю правильно. И моюсь почти каждый день, а не по субботам, как в деревне...

– Повезло. А сама откуда?

Снова вздохнула. Сколько раз уж отвечала на этот вопрос?

– Красноярский край, Енисейский район. Вам-то что? – с вызовом спросила. Лёня усмехнулся. Я не видела, поняла по голосу:

– Да ничего. Просто спросил.

Он подвинул вперёд ручку, которая разделяла наши сиденья, и вдруг переместил ладонь мне на колено. Я даже сразу не поняла, что случилось, а потом застыла. Кровь бросилась мне в лицо. Жаром запылали щёки. Сафрон... Его рука была горячая, жилистая, шершавая. Грубая. И голос... Голос уверенного в себе человека, который знает, что добьётся своего. «Одной тебе не справиться, ты выйдешь за меня».

Когда в груди больше не осталось воздуха, я резко отбросила руку Лёни, отшвырнула её подальше, как тушку убитой мыши.

– Ну, ты чего, милашка? – снова усмехнулся он.

– Что вы себе позволяете?! – возмутилась я. – А ещё приличный человек! У вас так принято в городе?

– Ладно, ладно, не истери! Может, ты мне понравилась.

– А если вы мне не нравитесь?!

– Ты такая переборчивая? У тебя в деревне лучше парни?

Он откровенно издевался надо мной. Ухмылялся так гадко, что захотелось вдарить его дрыном по морде. Жаль, дрына нет, как тогда, с Сафроном... Ничего, если полезет ещё раз, вмажу сумкой, там два красивых камешка, которые я подобрала на набережной неделю назад.

Но Лёня больше попыток не предпринимал. Он молча рулил, став серьёзным, молчал и смотрел на дорогу. А я кусала губы. Зачем он всё это делал? Зачем сказал, что я ему понравилась? Я не понимала. Сафрона я понимала. Ему мать велела ко мне присмотреться ещё несколько лет назад, он и присматривался: то подарок пришлёт с младшим, то воду из колодца поможет вытянуть. А отец после похорон моего тяти приходил к мамке. Говорил с ней долго, один на один, меня выгнали в сени. Но я подслушала, не будь дура. Речь шла о сватовстве. Мол, и хозяйка я хорошая, и собой неплоха, и детей, даст Бог, рожу много. Перестарок, конечно, к восемнадцати годам иду, но зато послушная и молчаливая, а ещё благодарна буду их семье, что возмут меня в таком возрасте, сироту.

Мамка тогда молчала, всё за сердце держалась, чёрная с лица сидела... Только мужа в землю положила, а тут и дочь забрать хотят. Чтобы помочь, но всё же забрать. Только вечером заговорила со мной о Сафроне. Спросила – люблю ли, хочу ли замуж...

Мы с мамкой всегда говорили по душам. Чего таиться? Секретов у нас не было. Вот я и сказала ей – не знаю, ничего не чувствую к этому парню, да и замуж пока не тороплюсь. А хозяйство... Справимся вдвоём, а в покос наймём мужика из деревни за пару ягнят и кроличьи шкурки. На том и порешили. А потом и мамку Господь прибрал к себе... Кроме Сафрона, ко мне никто не сватался, писаной красавицей я никогда не была, да и на посиделки, на вечерки не ходила. Поэтому слова Лёни меня удивили. Неужели в Питере девушек нет красивых? Чё ко мне лезть-то?

– Эй, очнись, приехали.

Я вздрогнула от неожиданности. Тьфу, напугал. Нельзя так погружаться в свои мысли, надо отбросить прошлое и жить настоящим. Кивнула Лёне и отстегнула ремень:

– Спасибо, что подвезли. Прощайте.

Он схватил меня за руку, удерживая:

– Да подожди ты, чего скачешь! Вот психанутая!

Я глянула ему в глаза. Там мелькнула усмешка и пропала. Лёня достал из кармана пиджака коричневый бумажник, а из бумажника – купюру в тысячу рублей. Протянул мне:

– Держи, это от Вадима Петровича, за то, что привезла его домой в целости.

Несколько секунд я смотрела на голубенькую бумажку, а в голове крутилась мысль – есть в этой ситуации что-то неправильное, некрасивое. А вот что – кто его знает. Мне вдруг стало противно, и я осознала, что почувствовал мальчишка на остановке, когда не хотел брать мои деньги. Я же не за тысячу рублей старалась! А они не поняли, эти двое. Тьфу!

– Мне бы хватило и простого «спасибо», – с достоинством отвела его руку и в последний раз взглянула в голубые глаза. – Только никто мне его не сказал. Прощайте.

И всё же выскочила из машины, пока Лёня не решил снова меня удержать. Пошла прочь, к дому, так быстро, как только могла, чуть ли не побежала. Хоть бы не погнался за мной! Не хочу я больше их видеть – ни его, ни Вадима Петровича.

В холле я прошла мимо консьержа, с которым уже здоровалась утром, а он только проводил меня взглядом. Что на мне, цветы нарисованы, или что другое? Глянула в зеркало, висевшее сбоку от лестницы. Уж лучше бы цветы, право слово! А так – обычная девчонка, скуластая, глазастая, нос картошкой, рот большой. Коса заплетена до пояса, да слабо, вон – прядки торчат из-за ушей... И главное – невзрачная вся какая-то, губы блёклые, глаза серые, волосы неопределённого светлого цвета. Да уж, красота, хоть стой хоть падай! Врать Лёня не умеет, что даже странно. Все они неискренние здесь, в городе. Думают, что ложь их спасёт или помо-

жет чем-то. А ложь только дальше загоняет душу в ад. Я не превращусь в городскую. Ни за что на свете! Не дождётесь!

Глава 5. Предложение на вес золота

7 сентября

– Я никак не могу понять... Это же надо умудриться быть уволенной с трёх работ за три дня!

Тётя выглядела раздражённой, ковыряясь вилкой в рагу. Катерина поставила перед ней кувшинчик с соусом и заметила вполголоса:

– Смысл обеда состоит в том, чтобы еду доносить до рта.

– Ты хоть не нервируй меня! – вспыхнула тётка. – Васса! Скажи мне, как можно накосячить при уборке холла гостиницы? Как?

Я жала голову в плечи. Мне было стыдно, очень стыдно. Тётя с Катериной изо всех сил старались пристроить меня на работу, а я только ошибалась, делала всё не так. Ну, перепутала средства для мытья полов. Вместо того, чтобы весело блестеть, как зеркало, они стали блёклыми. А что я, виновата, что ли, что оба средства в одинаковых бутылках и отличаются только мелкими надписями на английском? Да и не учила я английского, откуда мне знать, что такое «mat» и «brilliant»? А в гостинице... Мне дали в руки шланг от пылесоса, сказали всё пропылесосить отсюда и досюда, а, как включать и выключать, не показали. И кнопок там было с десятков. В общем, я по старинке, веничком... Администратор увидела, разоралась громче болотной выпи и выгнала. Зато на третьей работе я не косячила. Просто нас было четверо на одно место, и выбрали не меня.

Но от этого не легче. Тёткин гнев прошёл, но лучше бы она гневалась, а не спрашивала вот так, в пустоту. Что я могу ответить? «Простите, тетя». Так уже говорила. А больше ничего в голову не приходило. Я исправлюсь, честное слово... Я научусь... Кто бы подсказал только. А то они все требуют, а подсказывать не хотят.

– У меня есть для тебя последнее место, – задумчиво произнесла тётка, отправив в рот небольшую порцию овощного рагу. – На этот раз действительно последнее.

Я тут же воспрянула духом, а Катерина съязвила:

– Нет уж, знаю я вас, Аделаида Марковна! Если она и там не подойдёт, приставите её ко мне помогать, а мне один только паркет в гостиной сколько нервов стоил!

– Катерина, молчи. В память о сестре, ушедшей от нас так рано, я обязана позаботиться о племяннице, – твёрдо ответила тётка.

– Тётя Ада, я вам очень благодарна, – пискнула я робко. – Я не подведу вас больше.

– Прошу тебя, Васса, заклинаю, не зови меня так, – неприязненно откликнулась та. – Надеюсь, что не подведёшь. С уборкой не прокатило, попробуем тебя пристроить к животным. Лошадей знаешь?

Я кивнула. С лошадьми у меня всегда находился общий язык, как и с собаками. Воодушевлённая предстоящей работой, я быстро расправилась со своей порцией рагу. Тётка промокнула рот белой салфеточкой и велела Катерине:

– Пойду звонить Арнольду с конюшни, а ты мне подай чай в гостиную.

И выплыла из кухни, запахнув просторный домашний халат в огромные красные цветы. Я только вздохнула:

– Ну почему я всё делаю не так, как надо...

– Ладно тебе страдать! – резко громыхнула Катерина. – Иди вон посуду сложи в посудомойку. Этому я тебя уже научила.

Научила, точно. Я собрала тарелки, выскребла остатки пищи в мусорку и принялась расставлять по выемкам в решётке машины. В этот момент и раздался звонок в дверь.

Катерина вытерла руки о полотенечко, пошла в прихожую открывать. Мне это было неинтересно – я как раз пыхтела, пытаюсь вставить в маленькую посудомойку семь чашек из-под

кофе и чая. Дядя Костя пил очень много чая, поэтому его кружки скапливались на столе кабинета, и два раза в день Катерина на цыпочках прокрадывалась к профессору, чтобы забрать их и вымыть. Но знакомый голос из коридора заставил меня застыть.

– Добрый день, могу я видеть Аделаиду Марковну Рубинштейн?

Я не могла поверить своим ушам. Вадим Петрович? Что он тут делает? Стараясь не шуметь, я закрыла машину и подошла к двери, выглянула в прихожую. Ух ты! Милосердный Боже! Выбритый, выглаженный, весь лощёный и серьёзный, мой недавний алкоголик выглядел, как будто только сейчас его фотографировали на обложку журнала. Костюм с иголочки, галстук, начищенные ботинки, причёска... И лицо – строгое, закрытое ото всех, ничего на нём не разобрать. За его спиной маячил Лёня с бумажным пакетом и букетом длинных белых роз, упакованных в целлофан. Я смотрела на них из своего укрытия, широко раскрыв глаза, а Катерина, видно, сразу приметив, какой важный господин пришёл к ним, вежливо пригласила войти и спросила:

– Как мне о вас доложить?

Вадим Петрович полез в карман пиджака и достал бумажник, из которого вынул прямоугольник из плотной бумаги:

– Вот, пожалуйста.

Катерина кивнула, жестом указав на жёсткое кожаное кресло у стены, которое служило всем обитателям дома для обувания, и поспешила в гостиную. Я же спряталась ещё больше, стараясь не двигаться. Интересно, для чего Вадим Петрович пришёл к тётке? Уж не из-за меня ли? Да нет. Быть того не может. Вон, цветы... Может, он с моей тётёй знаком? Может, он даже за ней ухаживает? Он способен. Не знаю, почему, но мне показалось, что он бабник.

– Ты коньяк взял? – отрывисто спросил Вадим Петрович у Лёни. Тот пошевелил пакетом, внутри звякнули бутылки:

– И коньяк, и шампанское. Только не пейте, матом вас прошу.

– Не буду, отвяжись.

Катерина вернулась, и Вадим Петрович поднялся с кресла.

– Можете пройти к Аделаиде Марковне, вот, в гостиную.

– Благодарю, – ответил он, забрал у Лёни цветы с пакетом и пошёл, стуча каблуками туфель по паркету, в указанном направлении.

Лёня же присел на кресло, развалившись, как у себя дома, и шумно выдохнул. Катерина с любопытством окинула его взглядом:

– Это поклонник, что ли?

– Не могу знать, – с ленцой ответил Лёня. – Мне не докладывали.

Катерина явно обиделась. Мне не было видно её лица, но вся поза женщины говорила об этом. Однако предложила, не забывая про правила вежливости:

– Кофе, чай?

– Спасибо, не стоит.

Развернувшись на оборот, Катерина вздёрнула нос и вошла в кухню. Только сейчас заметила меня:

– А ты что тут делаешь? Подслушиваешь?

– Нет, – я смутилась. – Хотела посмотреть, кто пришёл.

– Кто пришёл, тебя не должно волновать. Загрузила машину? Поставила программу?

Я кивнула, хотя никаких программ не ставила. Вернулась к посудомойке, немного подумала и выбрала программу, как меня научила Катерина. Потом нажала на кнопку «Пуск». Машина тихонечко загудела, послышался плеск воды, мигнули лампочки. Всё, готово, теперь пусть работает. А я... А я пойду в туалет.

Мысль, осенившая меня, была воистину гениальной. В самые первые дни моего пребывания в тёткиной квартире я открыла интересный секрет. Когда разговаривают в гостиной, в

маленькой уборной между прихожей и коридором всё слышно. Правда, для этого надо присесть под крохотный умывальничек и приблизиться к стене ухом. Обнаружила я это, когда уронила скользкое мыло и пыталась его достать из-за унитаза. Я не собиралась подслушивать секреты, но тут просто стало интересно – для чего Вадим Петрович пришёл к тётке. Просто узнаю это и уйду в свою комнату.

Когда я прошествовала с независимым и отстранённым лицом мимо Лёни, то чуть ли не спиной почувствовала его острый взгляд между лопаток. Представь, что ты идёшь по поляне, а из лесу смотрят на тебя голодные волки... Не показывай, что боишься, не показывай, что тебе неприятно вспоминать вашу последнюю встречу, Васса. Просто иди себе спокойно. Как будто и нет никого в коридоре.

Я юркнула в уборную, задвинула за собой защёлку на двери и прижала руку к сердцу, пытаясь отдышаться. А потом присела под умывальник, согнулась втрое и прислушалась. Голоса доносились, как из погреба, но я их слышала чётко.

– Я предлагаю ей фиктивный брак и всё, прилагающееся по закону. Ни во время, ни после она ни в чём не будет нуждаться. Более того, я позабочусь, чтобы девушка получила хорошее образование или хотя бы востребованную профессию.

– Но почему фиктивный, а не настоящий брак?

Тётка явно растеряна. Кого же тут сватают? Лерочку, что ли?

– Вы же понимаете, Аделаида Марковна... – Вадим Петрович запнулся, а потом в его голосе послышалась улыбка: – Разница в возрасте, к тому же, я не вижу её, как женщину. Конечно, она будет жить в моём доме, все официальные приёмы будет посещать вместе со мной, но... Это только фиктивный брак. Напоказ.

– Брачный договор?

– Это само собой разумеется. У меня есть средства содержать её и достойно отблагодарить за оказанную услугу. Впрочем, я не могу заранее оговорить срок брака. Но не думаю, что это станет проблемой, насколько я понял, Васса – девушка ответственная и честная.

На этом месте я просто застыла, словно жена Лота. Превратилась в живой соляной столп. Это они обо мне, что ли, разговаривают? Фиктивный брак? Это ещё что за штука? Нет, подождите-ка. Вадим Петрович хочет на мне жениться? Ещё чего не хватало! Не для того я из Анциферово сбежала от Сафрона, чтоб тут напороться на те же грабли! Ишь чего удумал...

А тётка, между тем, ответила после недолгого раздумья:

– Я понимаю всё, о чём вы мне говорите, уважаемый Вадим Петрович. Более того. Я даже одобряю ваше участие в судьбе моей племянницы, зная, какими возможностями вы располагаете. Но Васса девушка взрослая и совершеннолетняя, думаю, она вправе принять участие в обсуждении собственной судьбы.

– Да, но... Я считаю, что вы должны подсказать ей с высоты вашего опыта лучшее решение.

В голосе Вадима Петровича снова мелькнула улыбка. Похоже, они с тёткой уже договорились! Что же мне делать? Как быть-то? Тятя, подскажи...

– Я велю позвать её, так вы сможете поговорить.

Я вскочила, спустила воду в туалете, услышав шарканье тёткиных домашних туфель. Ох, не дай Бог, застанет меня за подслушиванием – мало не покажется! Прижав ухо к двери, я услышала, как она зовёт Катерину, а потом тихо говорит той:

– Проследи, чтобы Васса оделась получше, и приведи её в гостиную. Да, и принеси бокалы для шампанского! И цветы, цветы в воду поставь!

– А что случилось-то? Что за шум, а драки нет?

– Потом, всё потом! Вассу давай в гостиную!

Господи Боже, а ведь я попала, как тот кур во щи. Тётя тёттей, а она меня отдаст замуж без возражений, чтобы сбегать с рук и не возиться больше... Но мне от этого не легче. Да и Вадим Петрович... Ну куда он-то лезет? Девчонку молоденькую захотел? Тьфу, пень старый...

Глубоко вздохнув пару раз, чтобы набраться смелости, я вышла из уборной и тут же наткнулась на Катерину. Та всплеснула руками:

– Вот ты где прячешься! А ну, иди одевайся сейчас же!

– Чего? Куда одеваться?

– Вот непонятливая! Иди надень джинсики Лерочкины и серую кофточку, где вырез низкий! Да побыстрее! И в гостиную! Там тебя ждут.

Я схватила женщину за руку и потянула за собой. Катерина зашипела:

– Пусти, дурочка, некогда мне! Сама не оденешься, что ли?

– Подождите! Катерина, что такое фиктивный брак? – спросила я, втащив её в комнату и прикрыв дверь. В ответ получила подозрительный взгляд:

– Это ты где такое услышала?

– Да... они там говорят... – я жарко покраснела, пряча глаза.

– Подслушивала! – обличила меня Катерина, роясь в сложенных на кровати вещах. – На вот, надень это. И поживей, тётя ждёт.

– Я случайно... Только не говорите тёте Аде. Так что это такое, а?

– Ну... свадьба для галочки, для штампа в паспорте.

– Господи Боже... А зачем так-то? – неожиданно испугалась я. Нормальный брак был мне привычен и знаком, а вот для непонятной Галочки... Зачем жениться для Галочки?

– Мало ли, зачем человеку нужно. По работе, может, или ещё зачем. Главное, семьёй жить не придётся, а что тебе ещё надо?!

Я вздохнула. Знать бы, что мне надо... Хочу работать, зарабатывать деньги и жить спокойно. Вот чего мне надо. Джинсы сидели на мне в облипку, обтягивая бёдра, которые были шире Лериных. Да и в талии слегка жало, но Катерина пихнула меня в живот и велела:

– А ну втяни! Теперь надевай кофточку. Шевелись же!

Оставив меня одеваться, она убежала обратно, если только её передвижение можно было назвать бегом. А я со вздохом натянула кофточку, которая раньше принадлежала Лере. У той была полная грудь, а у меня так себе, поэтому эффектный вырез лёг складками. Огладив кофточку на боках, я взялась переплетать косу, стараясь затянуть потуже. Пальцы сами скользили по волосам, быстро перекидывая прядки туда-сюда, потом привычно завязали резинку на конце. Глянула в зеркало – Господи, ну зачем я ему нужна? Для Галочки какой-то...

У двери в гостиную я топталась не меньше минуты. Зайду и что скажу? «Здравствуйте»? «Можно?» или «Вы меня звали?» Глупая какая-то ситуация. Но не глупее, чем тогда, три дня назад, в квартире Вадима Петровича. Вот чего я так его боюсь? До дрожи в коленках...

Я почувствовала на себе ироничный взгляд и обернулась. Лёня, сидя на кресле, заложив ногу на ногу, беззастенчиво разглядывал меня. В груди так и зажглось огнём гнева! Чё пялится? Не видел никогда? Знает небось, зачем его хозяин к тётке приехал, и теперь посмеивается про себя. Тьфу! Я вздёрнула нос, решительно взялась за ручку и, открыв дверь, смело шагнула в гостиную.

Паркет перестлали очень быстро. Буквально за два дня. Молчаливые рабочие сняли старые, покорёженные водой деревянные плашки, потом, стуча резиновыми молоточками, приладили новые, долго циклевали большой шумной машиной, а потом ещё покрывали лаком. Теперь последствия моей самодеятельности стали совершенно незаметны. В гостиной было светло, два мягких дивана и тёткино креслице окружили стеклянный журнальный столик, словно коровы новорождённого телёнка, а цветы в горшках свешивались со стен и потолка, как будто заглядывали через спины.

Вадим Петрович сидел на диване, открывая бутылку шампанского. Тётка при виде меня встала, протянула руки и провозгласила:

– А вот и Васса! Проходи, дорогая моя, поздоровайся с Вадимом Петровичем!

– Здрасьте, – пробормотала я, избегая смотреть ему в глаза. Вместо этого уставилась на узел галстука. Тётка заботливо потрепала меня по плечу, перекинула косу на грудь и подтолкнула к дивану:

– Ну же, ну же, не смущайся! Тебя здесь не съедят, по крайней мере, не сразу, ах-ха-ха!

Смех вышел нервным, а шутка не удалась. Тётя засуетилась – моя тётя! которая всегда была само спокойствие и величие! – и передвинула бокалы на столике:

– Давайте выпьем шампанского за знакомство и за наших будущих новобрачных! Вас-сочка, Вадим Петрович пришёл ко мне просить твоей руки. Это немного старомодно, но, я считаю, очень правильно! Ведь раньше так и делали – у родителей спрашивали разрешения, а в нашем случае – у ближайшей, единственной родственницы. А кто, кроме старших, может правильно посоветовать молодежи? Никто.

Она всё говорила, говорила, а я смотрела, как Вадим Петрович наливает шампанского из дымящейся бутылки в узкие бокалы, как бегут вверх, словно взбираются по невидимой верёвке, пузырьки, как потеет тонкое стекло... Мне было дурно, так дурно от мысли, что тётка не глядя отдаёт меня этому... этому ехидному и властному алкоголику! Да ещё и старому! Да ещё и для Галочки!

Мне в руку всучили бокал, и я покачала головой:

– Не пью алкоголь...

– Ничего, немного можно, немного можно, – тётка снова успокаивающе погладила меня по плечу. – Ну, вы тут поговорите по душам, а я пойду распоряжусь подать сыра и фруктов!

Она выскользнула из гостиной, прикрыв за собой дверь. Я же осталась стоять у кресла, как пень посреди поляны. Гость поднял на меня взгляд, и серые глаза укололи, словно булавки, пришили меня.

– Ну здравствуй, Васса, – медленно сказал он.

– Здравствуйте, Вадим Петрович, – отозвалась я чисто из вежливости. А он поморщился:

– Можешь звать меня Вадим, и давай перейдём на «ты», если не возражаешь.

– Хорошо.

– Ну, садись же, давай выпьем за настоящее знакомство.

– Я правда не пью, – наконец мне удалось отлипнуть от своего места, и я присела на край дивана напротив Вадима. Пусть будет Вадим, раз он так разрешил.

– Я тоже не пью. Чего тут пить-то? – попытался пошутить он, но мне не хотелось смеяться. Вадим нахмурил брови и протянул свой бокал к моему. Мы чокнулись, я чуть пригубила сладкое и терпкое шампанское. Уже смелее глянула в глаза мужчины напротив. Он сказал мягко:

– Ты уже поняла, почему я здесь. Хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. И вижу, что тебе это не слишком по душе...

Я прикусила губу, чтобы не сказать резкость. Он кивнул:

– Вот-вот. Но не спеши отказываться. Для тебя это предложение открывает много возможностей.

– Зачем?

– Что зачем? – не понял Вадим.

– Зачем вам именно я? – развила я свою мысль. Он усмехнулся:

– Милая Васса, я уже был женат. Дважды. По большой и чистой любви. Обоих жён выгнал за измену. Больше жениться не хотел, но... Не знаю, поняла ты или нет, я достаточно влиятельный человек в этом городе. Мне нужна жена и не нужны проблемы. А у богатого холостяка проблемы будут всегда.

Он помолчал, смакуя глоток шампанского во рту, потом продолжил:

– Расклад таков. Ты неглупа, и поймёшь всё, что я хочу сказать. Для тебя начнётся новая жизнь. У меня есть большой дом с участком, ты сможешь делать всё, что захочешь, кроме, естественно, встреч с другими мужчинами и бешеных танцев с алкоголем в клубах. Можешь пойти учиться в любой ВУЗ, можешь брать частные уроки, можешь просто сидеть дома и заниматься им на правах хозяйки. У меня отличный штат прислуги, так что тебе не придётся мыть полы и даже готовить. Я открою счёт на твоё имя, куда каждый месяц будет поступать определённая, заранее оговоренная сумма. Как ты понимаешь, *большая* сумма. Кроме того, получишь карточку с деньгами на мелкие расходы. В случае развода деньги останутся твоими, как и отступные...

– Сыр в мышеловке, – пробормотала я. Вадим не расслышал:

– Что ты сказала?

– Я спросила, а что взамен?

Собственный голос поразил меня. Он был ровным и спокойным, хотя внутри мне хотелось плакать от бессилия. От такого предложения не отказываются, тётя ясно дала мне это понять. Если я всё же откажусь, она умоет руки и перестанет меня устраивать и содержать...

– Взамен я попрошу самую малость – быть верной мне, быть моим лицом перед журналистами и быть там, где я скажу, когда я скажу и в том наряде, который подберёт для тебя мой стилист.

– А я думала, что брак – это в горе и в радости, в болезни и в здравии, в богатстве и в бедности... – тихо сказала я, и во рту появился вкус горечи.

Вадим с усмешкой парировал:

– Сейчас это неактуально, потому что применяется только в одностороннем порядке. В любом случае, я не питаю лишних и ненужных иллюзий. Мы заключим сделку и будем выполнять условия договора.

Снова пауза. И снова мягкий тон:

– Я бы хотел получить ответ как можно скорее. Сколько тебе нужно времени, чтобы принять решение?

Со стороны двери послышался лёгкий шорох. Скосив глаза, я увидела в щёлке двери тётю, которая делала страшные глаза и кивала так, что я испугалась – не оторвётся ли голова. Это как будто мне задали задачку, а снизу написали сразу правильный ответ...

Вдох. Выдох. Ещё вдох. И на выдохе мой ответ:

– Нисколько. Я согласна.

Глава 6. Скромная, скромная свадьба

16 сентября

– Нет, Катерина неправа. Я считаю, что мы выбрали отличное платье!

Тётя самолично поправила последнюю складку на фате и отошла на пару шагов, чтобы полюбоваться мной. Видимо, ей правда нравилось, потому что губы расплылись в умильной улыбке:

– Вассочка, ты просто принцесса!

Прошла неделя с того момента, как я согласилась выйти замуж за Вадима, и тётка вела себя со мной, как с драгоценной вазой, точно боялась разбить или отколоть кусочек. Говорила ласково, улыбалась, ни единым словом не вспоминала мои неудачи на работах. Платье мы выбирали вместе, и именно она платила за него. Остальную часть свадьбы взял на себя жених.

С Вадимом мы виделись лишь один раз, на следующий день. Он приехал за моим паспортом, сказал, что всё уладит, выпил коньяка с тёткой и ушёл. Не то чтобы мне было обидно – скорее неловко. В деревне я бы сама занималась приготовлениями вместе с будущей свекровью да соседками. А тут... Нет, я готовилась, конечно, но совсем не так, как мне представлялось. Молчаливый и предельно вежливый Лёня свозил меня в салон красоты, где мне пришлось позволить вертеть собой во все стороны и заливать краской, пока деловитые щебечущие, как синички, девушки массировали моё тело, лепили на лицо «очищающие масочки» и делали «депиляцию ног и бикини». Потом ещё был визит к парикмахеру, странному чудаковатому парню с выбеленным ёршиком на голове и заклёпками на бровях. Он вообще напугал меня до колик – так восхищался моей косой, так прыгал вокруг, заламывая руки и вопя о том, что уже давно не видел подобной красоты. Я еле удрала от него с подровненными кончиками и косой чёлкой, слыша в спину клятвенные обещания изобрести причёску только для меня, которую он даже назовёт моим именем.

В эту неделю мне как никогда пригодилась тятиня библия. Я читала её перед сном, разбирая привычные старорусские слова, молилась и думала о том, что Бог знает, что лучше для меня. А ещё думала – одобрил бы тятя жениха? Мама одобрила бы? Хотя она говорила – выйти замуж по любви ещё не всё, вот жить в любви и согласии всю жизнь – это тяжело. Говорила я с ними во снах, пугалась, но говорила. Просила дать мне знак, правильно ли поступаю. Но знака не было. То ли неправильно, то ли решили родители дать мне самой разобраться.

Как бы то ни было, вот она я, стою перед длинным зеркалом в точёной раме. Нас с тёткой и всем семейством привёз сюда всё тот же Лёня с самого утра. Надо мной уже потрудились белобрысый парикмахер и серьёзная женщина с косметикой... как же это называется? А, вот, визажист. Теперь я красивая. Только это не совсем я.

Рукой в ажурной перчатке поправила локон, упавший на лоб. Девушка в зеркале изящно тронула волосы. Мою длинную косу закрутили в крупные локоны, уложили затейливыми завитками по всей голове и пустили свободно на открытые плечи. Светлые волосы оттеняли маленькие сиреневые цветочки, сверченные из ткани. Фата была короткой и пышной, накрахмаленное кружево спадало округлыми складками вокруг моего лица. Платье мы выбрали в одном из дорогих салонов: кипенно-белое, мягкое и даже тёплое, когда его касаешься рукой. Корсет, повторяющий форму груди, был расшит бисером, а сверху украшен ажурной вышивкой. Юбка – пышная от пояса, невесомая и воздушная – была сделана из нескольких слоёв тончайшего шифона. Платье было прекрасным и превращало меня в сказочную принцессу, как сказала тётя, но на этом приятности заканчивались.

Туфли немного жали в пятках, и я с ужасом ждала момента, когда придётся ковылять на этих ходулях к своеобразному алтарю. Чулки с кружевными резинками отчего-то норовили сползти к коленям. Мне хотелось почесать нос, но трогать лицо было строго-настрого запре-

щено. Причёску, кстати, тоже, но залитые лаком прядки чёлки постоянно лезли в глаза и начинали меня раздражать.

Но всё это я даже не могла высказать. И ещё мне совершенно некуда было девать руки. Даже платье потереть невозможно – помнётся... Тётя заметила моё состояние и сунула мне в ладони букет – маленькие белые розы, разбавленные фиолетовыми ирисами в обёртке из снежных кружев:

– Держи. Давай-ка сядем.

– Платье помнётся, – незнакомым безжизненным голосом ответила я.

– Да ничего страшного! Садись вот сюда, на диванчик.

Я аккуратненько опустилась на диванчик, один из стоявших во всей комнате. Тётя села рядом и взяла мои пальцы в свою руку:

– Васса, я знаю, что тебе страшно. Выходить замуж за незнакомого тебе человека, да ещё по расчёту, не всегда приятно... Точнее, почти всегда неприятно. Но воспринимай это как работу. Просто-напросто тебя наняли, чтобы исполнять работу жены.

– Работа так себе, – вяло ответила я.

– Зато хорошо оплачиваемая. Ничего, деточка, всё пройдёт отлично! – тётя похлопала меня по руке. – Старайся, делай своё дело на совесть, и через несколько лет станешь свободной, обеспеченной женщиной с образованием и профессией в руках.

– Вам легко говорить, вы замуж по любви вышли.

Тётка усмехнулась как-то странно:

– А что, похоже?

Я взглянула на неё с удивлением. Тётка с улыбкой вздохнула:

– Со временем я полюбила твоего дядю. Но вначале это был самый настоящий брак по расчёту. Константин Алексеевич недавно потерял родителей и жил один в огромной квартире. Он тогда учился в университете, денег постоянно не хватало, и он решил сдавать комнаты. Я пришла первой. Выгребла три телеги грязи, готовила ему еду, работала в театре, подрабатывала в кафе... Ну и закономерно мы поженились через несколько месяцев.

Слушая тётку, я не могла поверить своим ушам. Ведь она обожает дядю Костю, пылинки с него сдувает несмотря на то, что он полностью закопался в свои научные трактаты... Носит чай и ужин прямо в кабинет, всегда бежит по первому зову и шикает на всех, кто шумит и мешает дяде работать. Неужели всё это время она его не любила?

Словно услышав незаданный вопрос, тётка ответила на него:

– Видишь ли... Любовь – это такое дело... Мы в этом вопросе ничего не решаем. Она приходит сама и часто не к тому, к кому надо. Я о своём выборе не жалею. И ты не жалей. Прими эту свадьбу как данность и двигайся вперёд.

Я кивнула. Конечно, так будет лучше для всех, особенно для меня. В конце концов, Вадим же сказал, что я могу делать, что хочу в тех рамках, которые он сам определит. Давай, Васюта! Не робей.

А тут как раз быстрый стук каблучков по коридору. Запыхавшаяся тётенька с замысловатой причёской на голове и папкой бумаг в руках говорила быстро и глотала окончания слов:

– Скоро выход невесты, как только музыку услышите, то ваш выход, а кто поведёт невесту к алтарю, где тот мужчина, что был на репетиции?

– Моему мужу нездоровится, – с достоинством ответила тётя, поднимаясь. – Так что я поведу.

– Ох, это не по сценарию, не по канону, – скривилась женщина, но махнула рукой: – Ладно, пусть так! Не пропустите музыку, вам лучше стать у двери!

И она убежала через коридор обратно на лужайку. Тётка поманила меня:

– Пойдём, Васса, пойдём. Главное, не споткнись, это плохая примета!

Встав, я мрачно подумала, что споткнусь теперь чуть ли не нарочно. Или кольцо уроню... У мамки были такие слова: «Не говори под руку!» Начнёшь предупреждать о чём-то – именно это и случится.

Через стеклянные двери я увидела людей, спешно рассаживавшихся на стульях, рядами расставленных на поляне перед небольшим шатром.

– Господи боже, – забыв о тётке, выдохнула я. – А народу-то собралось! Зачем столько народу, не понимаю...

– Васса, это медийная свадьба! Ты просто не знаешь, сколько здесь известных личностей...

– Лучше бы между родными...

– Послушай, мы в театре делаем так: когда выходим на сцену – выбираем себе одного зрителя и играем только для него. Остальных словно не существует. Так и ты сделай. Не видь никого, кроме, например, меня.

Где-то сбоку икнули скрипки и запели, выводя нежную зовущую мелодию. Тётка встрепенулась:

– Похоже, началось! Ты готова?

Я хотела покачать головой, но вспомнила, что сама согласилась на это, сама подписалась под брачным договором, и крутить носом не имею права. Поэтому кивнула, ухватившись ладонью за тёткин локоть. Букет прижала к животу, поёрзала ногами в туфлях и первой шагнула в открытые для нас двери.

Мы не шли, мы плыли, как две лебеди по озеру. Медленно, чинно, как и девушки в деревне идут к церкви, фатой прикрытые. Только у нас фата поплотнее будет, а тут чисто сеточка, с кружевами правда. И всё же я была ей благодарна, этой сеточке. Хоть попривыкнуть ко взглядам со всех сторон...

Ой-ой-ой, какие все женщины нарядные! Какие у них шляпы! А не шляпы, так причёски! Просто чудеса парикмахерского искусства... И цветы накручены на головах, и кудряшки, и волны из локонов... А мужчины, все, как один в чёрных костюмах, при галстуках, и штиблеты блестят, будто пчелиным воском мазаны. Все на меня пялятся. Ну пусть их, я буду вперёд смотреть. Там стоит Вадим. Улыбается. Арка украшена лентами и вуалями, которые на ветру полощутся, раздуваются... Хоть бы не улетели!

Когда мы подошли, тётка поцеловала меня в щёку, взяв лицо в обе руки, и шепнула:

– Всё будет хорошо.

Я машинально кивнула и взглянула на Вадима. Он протянул мне руку. Поднялась на помост, вложила пальцы в его ладонь. Удивлённо смотрела, как он целует мою кисть, а потом услышала тихий голос:

– Текст выучила?

– Да.

– Смотри, не торопись. Делай паузы, не стишок в школе рассказываешь.

Кивнула. Репетировали мы с тёткой. Правда, она всё повторяла: «Ой, не верю, ой, халтура!» но в конце осталась довольна. Не сбиться бы, слова не забыть...

Вся свадьба потом вспоминалась мне обрывочками. Как будто вместо целой книги подсунули вырванные страницы. Вот я надеваю кольцо на палец Вадима. Лезет тяжело, мешает сустав фаланги. А я пихаю, упрямая. Чувствую, как Вадим нервничает. Но всё же кольцо садится на своё место. А как он мне надевает кольцо – не помню.

Голубя мне дали в руки. Надо бросить в небо, чтобы вспорхнул, полетел... А я слышу ладонями его сердечко – бьётся, что твои старинные часы спешащие, часто-часто. Пёрышки белые, гладенькие, шелковистые. Жалко отпускать птицу. Но надо. С сожалением отпускаю, и голубь хлопает крыльями, радуясь свободе, взмывает вверх, а я смотрю на него, пока не

упускаю из вида. Кто-то сбоку пускает других голубей, и мой белый теряется в стае, они кружат, кружат над свадьбой...

Сажу рядом с Вадимом в зале. Тётка где-то сбоку, а рядом со мной Лера. Она пьёт шампанское бокал за бокалом, ест, звонко и заливисто смеётся, пытается шутить с Вадимом. А тот о чём-то думает, а то по телефону разговаривает вполголоса. Разговоры деловые, и плевать, что свадьба.

Кто-то заводит старую добрую песню «Горько!» Вадим пытается отшутиться, машет руками, но гости с наслаждением подхватывают, скандируют, им весело, хоть и знаменитости, а свадьба без поцелуев не бывает. Мой уже муж сдаётся, тянет меня за руку, без предупреждения чмокает в щёку, прикрываясь вуалью. Гости протестуют – мол, что за прятки? Вадим откидывает вуаль, а я зажимаюсь крепко. Но поцелуй сухой и короткий, только вспышки фотоаппаратов стрекочут, как кузнечики на лугу. И снова сели, выпили, телефон...

Мама Вадима. Силы небесные, я даже не думала, что у него есть мама! А выглядит всего на пару лет старше сына... Даже не седая, и морщин мало, почти не видно! Даже тётя Ада не такая ухоженная. Сколько же лет этой Брониславе Станиславовне, тьфу ты имечко... Сла и сла... Сласла. Она поздравляет нас сдержанно и словно даже строго, наклоняется поцеловать меня в щёку, и её запах сбивает с ног. До рези в носу! Тяжёлый, удушающий цветочный аромат накрывает меня облаком, и я чихаю. Не нарочно! Но взгляд женщины убивает. Ой, плохо, ой, как это плохо...

Нас провожают до лимузина. Господь милосердный, какая длинная машина! Словно три «Волги» вместе составили... Вадим помогает мне забраться внутрь, садится сам, захлопывает дверцу. И шумно вздыхает:

– Всё. Конец. Домой теперь. Ты как?

Я не сразу понимаю, что вопрос обращён ко мне, киваю с запозданием:

– Нормально.

– Ну и отлично. Ты молодец. Познакомлю тебя с прислугой и спать. Завтра вставать рано.

Прислуга. Дом. Участок. Темно, но яркие фонарики вдоль дорожки освещают путь. Туфли превратились в деревянные колодки, но я не смею их снимать. У входа в дом стоят люди. Женщины в чёрных платьях, мужчины одеты по-разному. Кухарка Антонина, горничная Настя, управляющая Лариса Ивановна, садовник Ильич, ну и Лёня, которого я уже знаю. У него на лице всё та же ухмылка, что и в первый день нашего знакомства. Неприятный тип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.